В НОМЕРЕ:
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ О ДРУЗЬЯХ ТЕХ, КТО ПРАВИТ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ

РОВЕСНИК

6
1980

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Июнь, 1980, №6*

«МЫ ВСЕ ЕГО ЧЕРТОВСКИ ЛЮБИМ»
и другие материалы о друзьях власть имущих Америки.

«МОЛОДЕЖЬ АМЕРИКИ НЕ С ВАМИ, Г-Н ПРЕЗИДЕНТ!» — говорят участники массового митинга в Вашингтоне.

На первой странице обложки: «Республика Сальвадор стала испытательным полигоном для проверки необычных методов разработанной в последний момент американской дипломатии», — сообщает «Вашингтон пост». Достаточно одной фотографии, чтобы представить, к чему ведет этот эксперимент, осуществляемый сальвадорской военщиной под наблюдением инструкторов из США.

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 29.04.80. Подп. к печ. 23.05.80. А02659. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Условн. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 538.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ЛЕЙПЦИГ. В этом году на Лейпцигской ярмарке была широко представлена продукция, созданная участниками движения мастеров завтрашнего дня (МММ). Это движение, возникшее по инициативе Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ) двадцать лет назад, стало важным фактором в повышении эффективности народного хозяйства республики. В результате внедрения рационализаторских предложений МММ в 1979 году государство получило экономический эффект примерно в 215 миллионов марок. На ярмарке было представлено 1700 экспонатов МММ.

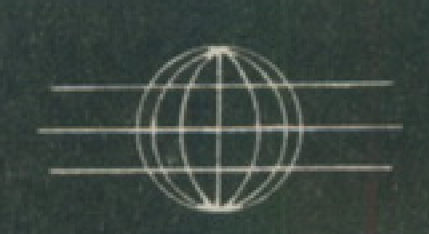
САМАРКАНД. С большим успехом в древнем городе Узбекистана прошла выставка работ американского художника, большого друга нашей страны Антона Рефрежье. Особое место занимали полотна и рисунки, посвященные героическому чилийскому народу. Многие работы Антона Рефрежье рассказывают о советских республиках Средней Азии, где художник бывал неоднократно. Выставка в Самарканде стала еще одним подтверждением того, что память о замечательном художнике живет в сердцах почитателей его таланта.

БЕЙРУТ. Здесь состоялся первый съезд Молодежной организации Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП), который проходил под лозунгом «За союз всех прогрессивных и революционных сил палестинского народа и арабского мира против кэмп-дэвидского сговора». Делегаты съезда говорили о своей решимости вести борьбу за осуществление национальных прав палестинского народа, за освобождение родной земли, против израильской оккупации. Съезд принял политическую программу и устав Молодежной организации ДФОП.

КЁЛЬН. Молодежь Федеративной Республики Германии отвергает бойкот XXII Олимпийских игр, навязываемый из-за океана. Для того чтобы выразить свое отношение к наскокам международной реакции на олимпийское движение, юноши и девушки ФРГ используют любую возможность. Так, во время традиционных весенних карнавалов, состоявшихся в западногерманских городах, они едко высмеивали противников Олимпиады-80, приветствовали праздник спорта в Москве.

На снимке: школьники на карнавале в Кёльне.

АДДИС-АБЕБА. В университете столицы Эфиопии сейчас учится десять тысяч студентов — в три раза больше, чем до революции. Чтобы сделать доступным университетское образование для молодых рабочих и крестьян, при университете работают подготовительные курсы, в сельской местности открыты специальные двухгодичные колледжи.

ЧИКАГО. Здесь прошли массовые выступления школьных учителей, учащихся и их родителей против решения местных властей урезать на 60 миллионов долларов ассигнования на нужды городских школ. В результате этой меры 1675 учителей останутся без работы, закроются 34 школы, увеличится нагрузка на каждого преподавателя и ухудшится качество преподавания.

ЛОНДОН. Консервативное правительство Британии предполагает развернуть новое американское ядерное оружие возле знаменитых английских научных центров Оксфорда и Кембриджа. «Нет — НАТО!», «Нет — крылатой смерти!», «Нам нужен мир!» — под такими лозунгами прошли демонстрации протеста по всей Англии. Брюс Кент, генеральный секретарь кампании за ядерное разоружение, заявил, что эти манифестации положили начало новому этапу в борьбе против ядерного оружия, за обеспечение прочного мира во всем мире. «Мы полны решимости преградить путь американским ракетам на Британские острова», — сказал он.

КАИР. Египетские власти провели массовые аресты студентов столичного университета. Этот шаг вызван страхом режима Садата перед ростом оппозиционных настроений в академических кругах страны.

СОЛСБЕРИ. Народ Зимбабве делает первые шаги на пути самостоятельного развития. Сразу же были ликвидированы «укрепленные деревни», где расисты держали за двойной колючей проволокой и под дулами автоматов 600 тысяч человек, отменено военное положение, введенное марионеточными правителями. Сейчас разрабатываются меры, направленные на улучшение положения коренного населения.

На снимке: народ празднует победу Патриотического фронта Зимбабве.

ВЕНА. По инициативе Коммунистической молодежи Австрии и Союза студентов-коммунистов в стране прошел традиционный праздник прогрессивной молодежи «Красные молодежные недели». Во всех городах состоялись митинги, собрания и манифестации под лозунгами активизации борьбы за право на труд, ликвидацию эксплуатации подростков на предприятиях, устранение дискриминации женщин, улучшение системы образования.

ДЕЛИ. Перед зданием американского посольства в Дели состоялась многочисленная демонстрация протеста палестинских студентов, обучающихся в Индии. Демонстранты резко осудили предательство египетского президента Садата, планы США и Израиля, направленные на увековечение израильской оккупации арабских земель и подрыв освободительной борьбы палестинского народа.

РИМ. По опубликованным в итальянской печати официальным данным, из девяти миллионов итальянцев в возрасте до 29 лет постоянную работу имеют только полтора миллиона. Более шести миллионов молодых людей перебиваются случайными заработками, а около полутора миллионов юношей и девушек вообще не могут найти работы. Почти 650 тысяч молодых безработных имеют среднее и высшее образование.

МАНАГУА. Нынешний год в Никарагуа объявлен годом ликвидации неграмотности. Во всех крупных городах созданы курсы для переподготовки преподавателей, создаются бригады добровольцев, в которые записались почти 150 тысяч человек. Это преподаватели, студенты, воины сандинистской армии, служащие, учащиеся старших классов. Большую работу в подготовке бригад добровольцев проделал Союз сандинистской молодежи имени 19 июля. В отдельных районах кампания по ликвидации неграмотности началась еще осенью 1979 года, но общенациональной она стала нынешней весной. Преподаватели не только учат никарагуанцев читать и писать, но и разъясняют программу революционного правительства, способствуют формированию политического сознания народа.

На снимке: добровольцы из бригад по ликвидации неграмотности занимаются на двухнедельных подготовительных курсах.

смотрите!

Подсчитано: за тридцать лет, начиная с 1946 года, США 215 раз прибегали к использованию вооруженных сил или к военным угрозам. Перед вами свидетельства лишь некоторых преступлений американского империализма, кадры из жизни — и смерти — в странах, имевших несчастье попасть в «сферу жизненных интересов» США. Снимок справа — Вьетнам в недавнем прошлом; слева — Чили сегодня; снимки внизу (слева направо) — Никарагуа до падения Сомосы: карательная операция в деревне; Иран накануне побега ставленника США — Мохаммеда Реза Пехлеви (надпись на чучеле: «ЦРУ»); гватемальские будни с той поры, как в 1954 году США совершили вооруженную интервенцию в эту страну.

«Если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, — отмечалось на XXV съезде КПСС, — империализм идет на все... Он готов попрать и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности».

CIA

▲ Составная часть учебной программы для создаваемого правительством Дж. Картера «корпуса быстрого реагирования».

«Свобода, справедливость и мир — это источники нашей подлинной силы, от которой должно зависеть все остальное. Это принципы, обеспечившие величие Америки».

(Из речи на обеде в Индианаполисе 4 июня 1979 года)

«Нас объединяет, нас делает американцами общая вера в мир и в свободное общество, общая приверженность свободам...»

(Из речи на приеме в Белом доме 6 декабря 1978 года)

«Мы являемся тем поколением, которое подтвердило приверженность нашего общества правам человека и идеалам равенства».

(Из выступления по американскому телевидению 15 июля 1979 года)

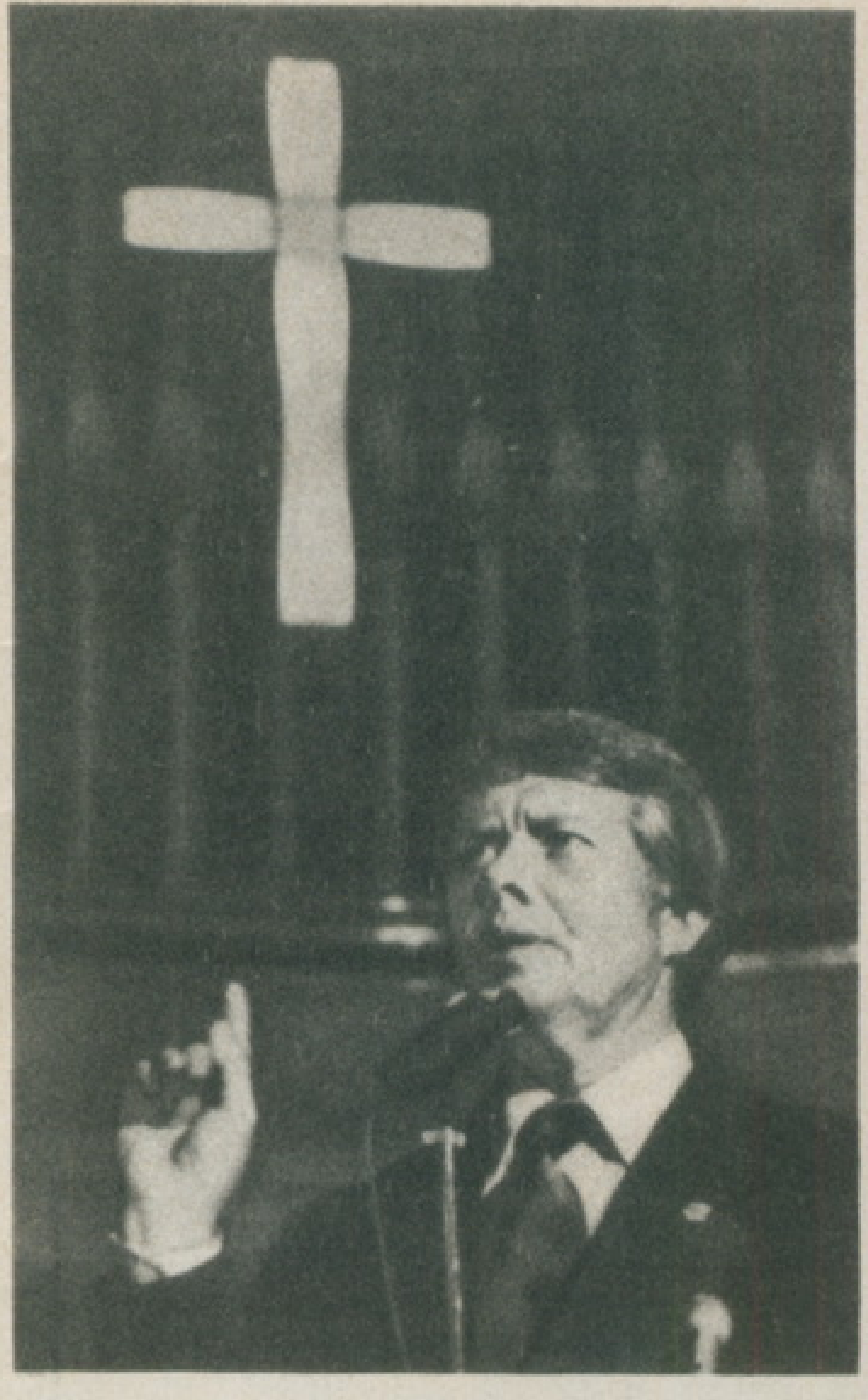
«Мы направили развитие американской внешней политики по новому курсу, который соответствует ценностям и самым возвышенным идеалам американского народа».

(Из послания «О положении страны» 19 января 1978 года)

«Отказаться от использования ЦРУ и других тайных средств с целью вызвать насильственные изменения политики того или иного правительства».

(Из сводки предвыборных обещаний, опубликованной Белым домом)

«Наша внешняя политика отвечает чаяниям американского народа, когда мы высказываемся в защиту прав человека на всем зем-

«ПРАВИТЕЛЬСТВО БОЛЬШЕ НЕ ЛЖЕТ»

И ДРУГИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАРТЕРА

ном шаре; и до тех пор, пока я буду оставаться президентом, мы будем продолжать защищать права человека».

(Из речи на обеде в Индианаполисе 4 июня 1979 года)

«Когда немногим более трех лет назад я вступил на пост президента, я обещал неустанно трудиться на благо дела мира».

(Из выступления на национальной конференции профсоюза строительных рабочих 3 апреля 1980 года)

«Американский народ хочет от своего правительства — нашего правительства — действий, с тем чтобы уменьшить человеческие страдания и расширить человеческие свободы. Вот почему я постарался вновь разжечь маяк свободы в американской внешней политике...»

(Из речи на приеме в Белом доме 6 декабря 1978 года)

«Правительство больше не лжет...»

(Из речи на обеде в Индианаполисе 4 июня 1979 года)

В этом номере журнала перед читателями предстанет зловещая галерея мерзавцев, грабителей и убийц, не имеющих права именоваться людьми.

Некоторые из них и сегодня творят черные дела. Другие, отработав свое, надеются, похоже не без основания, избежать справедливого возмездия.

И все они — и вчерашние и сегодняшние палачи и душегубы — имеют одного работодателя и покровителя — американский империализм, который сейчас особенно изощренно и бесстыдно пытается представить себя ни много ни мало совестью человечества.

Заметкам, статьям и очеркам о выкормышах и друзьях тех, кто правит Соединенными Штатами Америки, мы решили предпослать несколько примеров того, каким языком говорит эта «совесть».

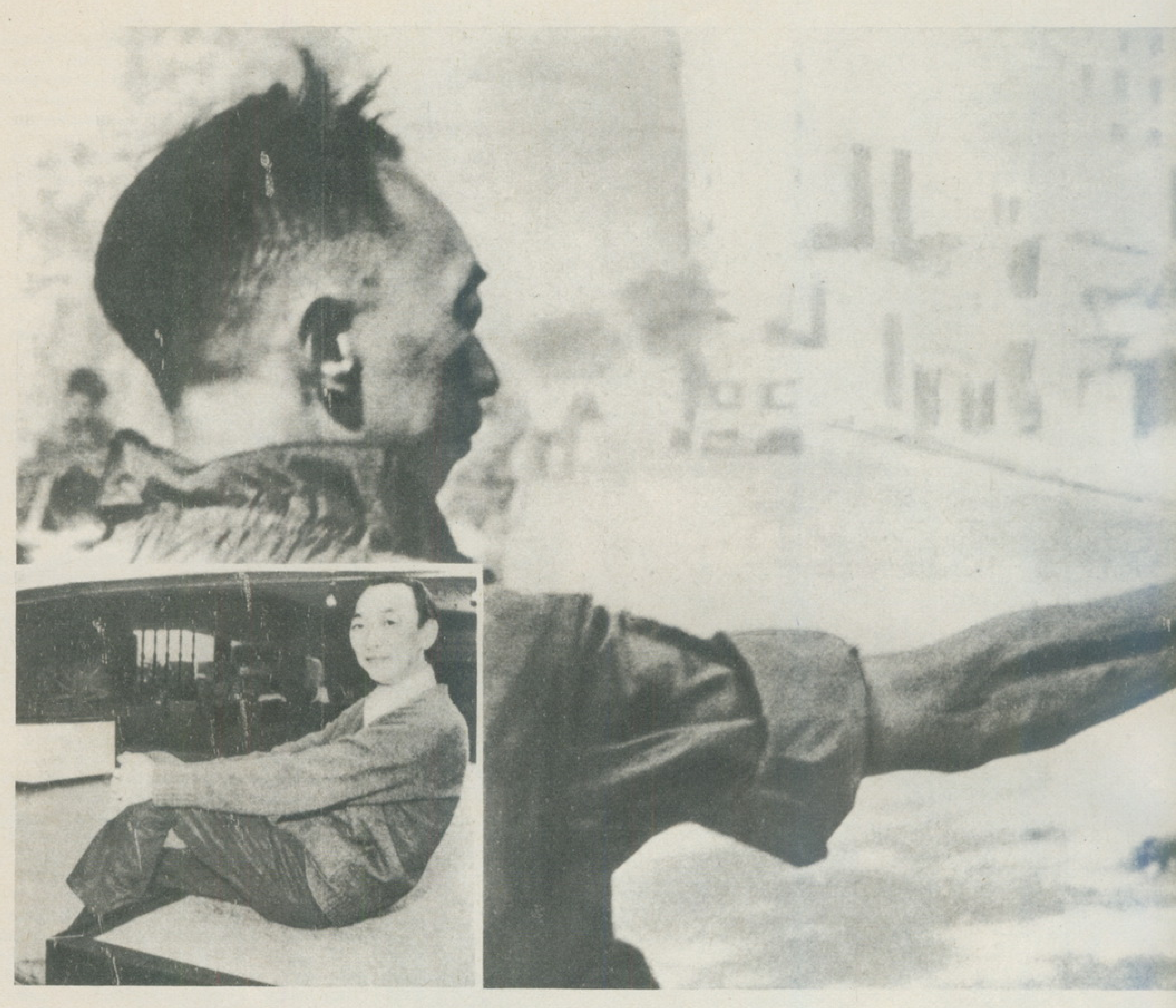
Читателям, вероятно, будет интересно сравнить приведенные на этих страницах изречения президента США г-на Джеймса (Джимми, как он просил запросто называть себя, вступая в должность) Картера о его приверженности благородным принципам гуманизма, справедливости и свободы с тем, во что на практике обращаются эти принципы, идет ли речь о фашистских режимах Пиночета и Стресснера, кровавой фигуре бывшего иранского царя царей, палаче вьетнамского народа, начальнике сайгонской охранки Лоане или одном из прихвостней гитлеровцев, нашедшем убежище в США, душегубе Ковальчуке.

Картер, безусловно, не имел и не мог иметь отношения ни к развертыванию американской агрессии во Вьетнаме, ни к свержению правительства Моссадыка. Но президенты меняются, а преемственность политики американского империализма сохраняется.

При этом нам хотелось бы обратить особое внимание читателя на заявление, в котором президент США с обычной для него «чистосердечностью» сообщил американскому народу и всему миру: «Правительство больше не лжет».

В свете этого заявления у читателей «Ровесника», возможно, возникнет желание поинтересоваться, как г-ну Картеру удается совмещать приведенные на этих страницах утверждения с клятвами в дружбе бывшему иранскому шаху, с защитой от преследования окопавшихся в США сайгонских бандитов и гитлеровских наймитов, со стремлением развивать дружбу с Пиночетом и ему подобными!

Что же, адрес известен:
Президенту Дж. Картеру,
Белый дом, Вашингтон,
округ Колумбия,
20500 США.

«МЫ ВСЕ ЕГО ЧЕРТОВСКИ ЛЮБИМ»

Том БАКЛИ,
американский журналист

Вот несколько строк из истории грязной войны, которую вел во Вьетнаме империализм США (источники американские): погибло 325 тысяч мирных жителей, более 10 миллионов человек жили на положении беженцев, сиротами стали 880 тысяч детей, вдовами — 650 тысяч женщин, вытравлено ядохимикатами 1 миллион гектаров возделываемой земли; американские потери: 350 тысяч человек (в том числе 57 тысяч убитыми), 160 миллиардов долларов.

Нынешняя американская администрация открещивается от преступлений, совершенных военщиной США и ее ставленниками во Вьетнаме, пытается предать забвению одну из величайших трагедий XX столетия, которая произошла по вине американского империализма. Забыть убитых и искалеченных, забыть о вдовах и сиротах, а главное — забыть о преступлениях тех, кто сеял на вьетнамской земле смерть и горе, уберечь их от заслуженного возмездия — такова логика постыдного лицемерия вашингтонских моралистов, вызывающая если не возмущение, то, во всяком случае, едкий сарказм даже у буржуазных журналистов.

Лоан, прихрамывая, подошел к моему столику и уставился на меня. «Я вас помню», — произнес он, растянув губы в подобие улыбки.

Возможно, он и впрямь вспомнил меня, хотя с момента нашего знакомства утекло много времени. Впервые я встретился с Нгуен Нгок Лоаном в начале 1967 года. Он был тогда шефом национальной полиции Южного Вьетнама, правой рукой премьер-министра Нгуен Као Ки и одним из «сильных людей» Сайгона. Наша вторая встреча состоялась в 1971 году. К тому времени США сочли нужным отстранить от власти Ки, а с ним пал и его протеже Лоан. Я застал его в пустынном кабинете в здании министерства обороны. Лоан ожидал какого-нибудь назначения.

— ПРЕЗИДЕНТ СКАЗАЛ: «Я СЧИТАЮ ВСЮ ЭТУ СУДЕБНУЮ ЗАТЕЮ ПРОСТО ВОЗМУТИТЕЛЬНОЙ», — СООБЩИЛ ЧИНОВНИК БЕЛОГО ДОМА, ПОПРОСИВШИЙ НЕ НАЗЫВАТЬ ЕГО ИМЕНИ.

ПО ЕГО СЛОВАМ, КАРТЕР НАМЕРЕН ПРЕДПРИНЯТЬ ЛЮБЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ И ПОДХОДЯЩИЕ ДЕЙСТВИЯ, С ТЕМ ЧТОБЫ ЛОАН НЕ БЫЛ ВЫСЛАН ИЗ США.

(Из сообщения агентства Ассошиэйтед Пресс, опубликованного в «Вашингтон пост» 1 декабря 1978 г.)

Мы тогда не спеша поговорили за бутылкой виски. Выпивку он всегда держал под рукой. Потом я написал для своей газеты «Нью-Йорк таймс» статью. В ней рассказывалось о самой зловещей фигуре войны — Нгуен Нгок Лоане. О человеке, запечатленном на печально знаменитых кино- и фотокадрах, где он собственноручно казнит (или совершает убийство — это зависит от ваших взглядов) беззащитного пленника. Эта сцена стала повсюду символом отвратительной жестокости и безнадежности войны в Южном Вьетнаме.

И вот мы опять встретились — на сей раз в ресторане с французским названием «Les Trois Continents», («Три континента»), в торговом центре городка Бэрке, штат Виргиния, в двадцати милях от Вашингтона и десяти тысячах миль от Сайгона.

Ресторан принадлежит Лоану, который обзавелся им в начале 1976 года. Два члена палаты представителей конгресса заявили, что Лоан морально недостоин гражданства США и даже права на проживание в этой стране. По их требованию служба иммиграции и натурализации начала расследование преступного прошлого Лоана, и дело могло кончиться его высылкой из США.

Новость была тут же подхвачена прессой. В газетах снова замелькала знаменитая фотография «момента смерти». Лоан в профиль, в форменной рубашке, с вытянутой рукой, сжимающей пистолет; пленный — в шортах, сандалиях и ковбойке, лицом к фотокамере, лицо искажено, волосы, кажется, стоят дыбом...

Телевизионщики осадили ресторан, расспрашивали его посетителей. Да, отвечали те, мы знаем, кем был Лоан и в чем его обвиняют, но это же было давно и он воевал на нашей стороне. В конце концов, добавляли они, вся война была сплошной грязью и ошибкой, что уж теперь... А Лоан и его семья в общем милые люди и кормят вкусно и недорого. Лоан мрачно стоял перед камерами и по совету своего адвоката старался говорить поменьше.

В декабре 1978 года президент Картер, приняв во внимание призывы не ворошить прошлое, оказал давление на министерство юстиции с тем, чтобы прекратить расследование. Вскоре после этого адвокат Лоана Роберт Эккерман сообщил мне, что Лоан согласен встретиться со мной, но хочет, чтобы разговор велся в присутствии его старого приятеля по Сайгону, бывшего высокопоставленного сотрудника Центрального разведывательного управления Джо Бейкера.

Заведению с таким пышным названием, как «Три континента», полагалось бы иметь на столах хрусталь, накрахмаленные салфетки, торчащие белыми конусами, вазы с цветами. На самом деле ресторан Лоана — обычное место, где можно поесть. Главное блюдо здесь — пицца, итальянские тарталетки с помидорами и сыром. Печь для пиццы досталась ему вместе со всем остальным хозяй-

ством от разорившегося предшественника. Еще в его ресторане подают салаты, сосиски, креветки, вьетнамские и китайские блюда.

Пока мы ждали Бейкера, я заказал тя-зо (салат из молодых овощей) и тхит-ньонг (наперченные тефтели из свинины). Линь, пятнадцатилетний сын Лоана, подал листья салата, в которые надо заворачивать тефтели, и ньок-мам, вьетнамский рыбный соус.

— Нравится? — спросил Лоан.

— Мне стоило сюда приехать, — признался я.

— Вначале посетители уходили, оставляя почти все на тарелках, — оживился Лоан. — Я бежал вслед за каждым недовольным. Расспрашивал, что ему не понравилось. Мне объясняли: это, мол, надо готовить так, а другое — эдак. Мы учились, приспосабливались. Мы же не возле шоссе. Там главное — быстро накормить. Мне предлагали разные компании покупать пиццу-полуфабрикат. Я отказался. Для наших посетителей я должен делать все сам.

Он обвел взглядом пустынную улицу. Кивнул знакомому прохожему. Многие магазины, по всему видно, прекратили существование. Заброшенный вид, полупустые витрины тех, что еще торговали, наводили на мысль, что их ждет та же участь.

— Я хочу, чтобы мой ресторан был местом для семейного отдыха,— продолжал Лоан. — Чтобы люди приходили сюда посидеть, поговорить. Выпить чашку-другую кофе, не обязательно есть. Сюда приходят друзья моих детей. Они вместе делают домашние задания. По-моему, это хорошо.

Пришел Джо Бейкер, рослый седовласый мужчина. Линь подал ему виски с содой. Лоан заметно расслабился.

— Во Вьетнам в первый раз я попал в 1954 году, — сказал Бейкер.— Потом часто туда наезжал. С генералом Лоаном познакомился в шестьдесят четвертом или шестьдесят пятом. Я тогда был заместителем Тэда Лэнсдейла.

Генерал-майор Эдвард Лэнсдейл, признанный эксперт ЦРУ по борьбе с повстанцами еще с пятидесятых годов, находился во Вьетнаме.

— Лоан мне сразу понравился, — продолжал Бейкер. — Мы стали поддерживать отношения. А когда он с семьей окончательно перебрался в Вашингтон, я и другие старые друзья старались помочь ему, как могли.

Лоан с готовностью подтвердил:

— Я одолжил у моих американских друзей, военных друзей, восемь тысяч долларов, чтобы арендовать это заведение. Они пока не просят вернуть долг. Надеюсь, что подождут еще. Я бы сейчас не смог его выплатить. Мне еле хватает на жизнь.

В ресторане работает вся семья Лоана, кроме его престарелого отца. На кухне — жена и мать, им помогает племянница Лоана. Четверо детей включаются в работу, когда приходят из школы. Старшая дочь Ань, студентка колледжа, работает здесь во время каникул.

— Я здесь до самого закрытия, до десяти вечера, — продолжал Лоан.— В одиннадцать я в постели, а в половине пятого уже на ногах. В сорок восемь лет человеку не требуется много сна. Отправляю детей в школу, иду в ресторан, готовлю его к открытию в одиннадцать. В четыре приходят дети, а я ложусь на пару часов. Приходится. У меня протез, кровь застаивается, если быть все время на ногах.

Лоан закатал правую штанину, обнажив протез телесного цвета с искусственным коленом. Он был ранен во время боя за фабрику на окраине Сайгона, которую захватили вьетконговцы[1]. Это случилось в мае 1968 года. Ранение в бою сделало Лоана уникумом среди американских и южновьетнамских генералов. Его наградили оба правительства — и вашингтонское и сайгонское. Но пока он лежал в госпиталях то Австралии, то США, где ему безуспешно пытались спасти ногу, президент Тхиеу сместил его с поста начальника национальной полиции.

По возвращении во Вьетнам Лоан был «задвинут на полку». В 1973 году он вышел в отставку и получил пост директора одной сайгонской типографии. Но жил, как и раньше, в вилле по соседству с Нгуен Као Ки недалеко от аэропорта Таншоннят.

В течение двух лет он наблюдал со стороны загнивание южновьетнамской армии и затем ее полное разложение в апреле 1975 года.

— Мне и моей семье все время обещали, что нас вывезут заблаговременно, — вздохнул Лоан. — Но ваше посольство забыло обо мне. Если бы я положился на его обещания, то так и остался бы в Сайгоне. В те последние дни я пришел в отчаяние. Думал, что уже нет никакого выхода. Тогда я собрал вокруг себя детей и сказал им: «Я устрою вас в разные крестьянские семьи. Так вы уцелеете. А мы с вашей матерью знаем, что нам делать». Моя жена держала аптеку. Так что у нас были все необходимые препараты. Дети закричали: «Нет, мы умрем вместе с вами, когда настанет время...»

Лоан прикурил «Уинстон», допил пиво. В уголках его глаз навернулись слезы. Ему всегда приходилось принимать трудные решения. Да, он воевал на нашей стороне. Он исполнял свой долг так, как понимал его. И в конечном итоге мало что приобрел.

Он был из тех молодых вьетнамцев среднего класса, которые надели военную форму в 1952 году, когда французы наконец, но слишком поздно, решились присваивать вьетнамцам звания младших офицеров.

— Я не доверял французам, но Вьетконгу я доверял еще меньше, — рассказывал Лоан. — Я сдал квалификационные экзамены по всем трем родам службы. Но решил стать летчиком. Это была моя мечта, — Лоан невесело усмехнулся.—Я учился в летной школе во Франции, когда в 1954 году во Вьетнаме пала французская крепость Дьенбьенфу[1]. Знакомый офицер-француз, говоря об этом, заплакал. Вдруг он разозлился на меня. Подумал, что я его не слушаю. «Будь хотя бы вежлив, слушай меня», — сказал он. Но я ему ответил, что мол, прошу прощения, но больше не могу плакать из-за того, что происходит во Вьетнаме, это моя страна, а не его.

В 1955 году Лоан стал лейтенантом военно-воздушных сил Республики Южный Вьетнам, созданной под покровительством США в нарушение Женевских соглашений, которые положили конец первой войне в Индокитае. К 1964 году, пройдя обучение в США, Лоан получил назначение на пост заместителя командующего ВВС Южного Вьетнама. Его шеф, Нгуен Као Ки, бравый летчик, лично возглавлял один рейд на территорию Северного Вьетнама. Рядом с ним в одном звене летел Лоан.

— В 1965 году Ки стал премьером, — вспоминает Лоан. — Я думал, что заменю его в ВВС. Но он попросил меня возглавить национальную полицию и разведку. Мне это не нравилось. Я был боевым офицером, а не полицейским. Но мой долг состоял в том, чтобы помочь Ки, и я принял его предложение.

Сейчас Ки, подобно своему бывшему подчиненному, живет у нас, в Штатах. Он держит винный магазин в Калифорнии.

Джо Бейкер, приканчивавший третью порцию виски, молча кивнул. Проходивший мимо нашего стола посетитель остановился, чтобы поздороваться с Лоаном, затем повернулся ко мне.

— Мы все его чертовски любим. — сказал он, указывая на Лоана. — Сосед что надо!

Он подошел к музыкальному автомату и запустил пластинку с Долли Партон[2]. Лоан поднял голову и

---

[1] *Так американцы называли партизан, боровшихся против марионеточного сайгонского режима. — Примеч. ред.*

[1] *Этим разгромом колониальных войск завершилась война Сопротивления 1946—1954 годов. В июле 1954 года были заключены Женевские соглашения, явившиеся международным признанием суверенитета, независимости и территориальной целостности Вьетнама. — Примеч. ред.*

[2] *Известная исполнительница песен «кантри». — Примеч. ред.*

улыбнулся. В его ресторане гремела та же музыка, что в былые времена в сайгонских клубах для американских сержантов.

Корпус безопасности, который перешел под командование Лоана, насчитывал 25 тысяч человек. Среди них от силы сто-двести честных и энергичных работников, остальные погрязли в коррупции и садизме, как заведено было еще в старые колониальные времена. Лоан решил ничего не менять («Старый горшок лучше варит», — сказал он мне), зато меняться начал он сам. Когда в 1967 году я увидел его на выпускной церемонии в школе полиции, мне отчетливо почувствовалась циничная фальшь происходящего. Молодые люди откровенно радовались, что не попадут в армию. Они уже предвкушали и, казалось, подсчитывали в уме куш, который смогут урвать благодаря своей службе. Их офицеры уже получили крупные взятки от родителей молодых рекрутов-полицейских.

Лоан на том торжестве был в обычной полицейской форме — мешковатых серых брюках и белой рубашке с короткими рукавами и без знаков отличия. Он был безразличен к отутюженному мундиру или пятнистой полевой форме, столь полюбившейся американским и южновьетнамским генералам. Лоан сидел со своими приближенными под навесом из парашюта, пил виски, разговаривал и смеялся даже в те торжественные минуты, когда произносились слова присяги. Лоан не тот человек, чья внешность ласкает взор. Когда он смеялся, его зубы выпирали вперед неровным частоколом. Зато в его глазах мерцал тот холодный ум, который выделял его среди высших офицеров обеих армий. Мне тогда показалось, что он подсчитывает свою долю добычи.

После того торжества я встречался с Лоаном еще несколько раз. Однажды я застал его на балконе пустого зала старого оперного театра. Внизу, в оркестровой яме, заседали сайгонские парламентарии, решавшие какой-то срочный вопрос по приказу Ки. Лоан шутил, улыбался своей акульей улыбкой и рассеянно покручивал барабан короткоствольного «смита и вессона» 38-го калибра. Он согласился дать мне аудиенцию в своем штабе, бывшей французской крепости. Я добивался свидания именно там, потому что очень хотел проникнуть на территорию, огороженную высокой бетонной стеной, которую венчала колючая проволока. Дополнительной приманкой были устрашающие черепа, намалеванные на стене, — предупреждения о минах.

— Вы продержали меня в кабинете битых сорок пять минут, прежде чем соизволили хотя бы взглянуть на меня, — сказал я теперь хозяину ресторана. — Это что же, обязательный ритуал?

Лоан рассмеялся и развел руками.

— Еще меня давно занимает следующий вопрос, — наседал я. — Как это может быть, чтобы человек три года занимал пост начальника полиции Южного Вьетнама и не стал миллионером? Или вы хромаете по своей забегаловке только в ожидании подходящего времени, когда можно будет спокойно тратить сокровища?

— Я действительно похож на шута, — ответил Лоан. — На том посту, который я занимал, я должен был стать миллиардером, а не миллионером. Я знаю, как грели руки другие. Но Ки и я солдаты. То, чем занимались другие, не для нас. И вот теперь я надрываюсь, как раб, и моя жена надрывается, как рабыня. Нас одиннадцать человек, мы живем в одном маленьком доме. У нас нет ничего, ни-че-го! Из Сайгона мы летели в грузовом отсеке военного самолета. Экипаж был неопытный, они даже не знали, как закрыть задний люк. Нам дали пять минут на сборы и не разрешили взять с собой ничего. И все-таки нам повезло. Эта женщина в конгрессе говорит, что я торгую наркотиками. Какая ерунда! Когда я командовал полицейскими силами, в Южном Вьетнаме не было героина. Не было! У меня и моих людей есть награды и благодарности за ту работу. Все началось уже после меня. Я ненавижу опиум, героин. Я знаю, что он делает с людьми.

Быть может, Лоан и в самом деле не нажил никаких богатств. Однако с таким же успехом можно предположить, что он просто неудачно их вложил.

Но даже если бы Лоан провел все свои дни во Вьетнаме только в молитвах и добродетельных трудах, тот выстрел в голову пленного во второй половине дня 1 февраля 1968 года все равно превратил его в глазах многих американцев в злодея номер один с таким преступным сердцем, что они не остановились бы ни перед чем, дабы привлечь его к ответу по кодексу справедливости.

Моя версия происшедшего была с самого начала такова: до предела измотанный и униженный Вьетконгом, вдобавок, очевидно, слегка подвыпивши, Лоан выместил злость на пленном. Журналисты во время той войны повидали несравненно более страшные сцены, чтобы испытать особое потрясение от выстрела Лоана. Но им тут же стало ясно, что именно этот выстрел будет услышан — и увиден — во всем мире, так как Лоан не посчитался с присутствием группы телевидения Эн-би-си и фотокорреспондента Ассошиэйтед Пресс Эдди Эдамса.

Еще до того как президент Картер прекратил расследование, я разговаривал с адвокатом Лоана Эккерманом. Он сказал мне, что собирается построить защиту на том факте, что Ки, бывший в тот момент вице-президентом, выступил по радио с особым предупреждением. Лица в гражданской одежде, имеющие при себе оружие, сказал Ки, подлежат смертной казни. Лично я услышал такое впервые от Эккермана. Вряд ли была нужда в таком предупреждении, когда по всей стране шла жестокая война.

— Ки выступил с этим предупреждением 31 января, когда мои люди и я отбили у вьетконговцев захваченную ими радиостанцию, — сказал Лоан.

Время близилось к закрытию. Лоан, Бейкер и я остались в ресторане одни. Закрылись магазины, улица опустела.

— Мы были возле пагоды Анкуанг, — продолжал Лоан. — В ней размещался штаб воинственных буддистов, которые хотели, чтобы мы сдались Вьетконгу. Им хотелось коалиционного правительства. Я был спокоен, когда ко мне подвели этого человека. — Лоан уставился перед собой невидящим взором, словно прокручивая в уме всю сцену заново. — Мне сказали, что он ранил из револьвера одного полицейского и плюнул в лицо тем, кто его схватил. Дальше мне сказали, что этот человек известен полиции. Он не безымянный пленник, как утверждала пресса. Его звали Нгуен Тан Дат, кличка Хан Сон. Он был командиром саперного отряда Вьетконга. «Ты стрелял в полицейского?» — спрашиваю я. Он молчит. На все мои вопросы один ответ — молчание. Наконец я поворачиваюсь к командиру, который его привел, и говорю: «Все ясно, что же вы не выполняете приказ?» Он заколебался. Тогда я подумал: «Значит, придется мне». Если колеблешься и не выполняешь свой долг, люди не пойдут за тобой...

Итак, Лоан поднял «смит и вессон», подарок ребят из разведки американских ВВС, принял позу для стрельбы — правая рука вытянута, голова повернута, глаза на стволе — и выстрелил в Нгуен Тан Дата.

Лоан выпил еще пива (он почти бросил виски, от которого не просыхал во Вьетнаме). Мы с Бейкером взяли еще по порции виски.

Я подошел к музыкальному автомату. На четырех планках значилось только: «Французская пластинка». Я опустил монету и нажал на кнопку, не ведая, что услышу. И в пустом зале «Трех континентов» зазвучал голос Эдит Пиаф. Она спела «Mon Légionnaire» — «Мой легионер», а затем «Non, Je Ne Regrette Rien» — «Нет, я ни о чем не жалею».

Слушая эти слова, Лоан улыбнулся и поднял бокал.

Перевел с английского В. ЧЕРНЯК

В Вашингтоне сейчас предпочитают не вспоминать «неудобных» подробностей фашистского переворота в Чили, показывающих, что он был разработан и осуществлен при самом непосредственном участии различных — тайных и нетайных — официальных учреждений США. Но никакие лицемерные попытки нынешней администрации Белого дома предстать в роли защитников «гуманности во всем мире» не смоют с империализма США кровь тысяч чилийских патриотов, замученных режимом Пиночета — ставленника Соединенных Штатов. Написанная по горячим следам, в 1974 году, статья замечательного латиноамериканского писателя называет конкретных виновников продолжающейся и поныне чилийской трагедии.

АНАЛИЗ ОДНОГО УБИЙСТВА

Габриэль Гарсиа МАРКЕС,
колумбийский писатель

В конце 1969 года три генерала Пентагона обедали с чилийскими военными в предместье Вашингтона. Радушным хозяином был Херардо Лопес Ангуло, тогдашний полковник военно-воздушных сил и атташе чилийской военной миссии в Соединенных Штатах. Обед был устроен в честь начальника военно-воздушного училища генерала Карлоса Торо Масоте, прибывшего накануне с ознакомительной миссией. Военные ели фруктовый салат и жареную телятину с горошком, пили вина, согретые теплом далекой южной страны, с ее пляжами, с ее яркими птицами, в то время как Вашингтон был покрыт снегом, и беседовали на английском языке на единственную тему, которая, казалось, интересовала чилийцев в тот момент: о предстоящем избрании президента Чили.

За десертом один из генералов Пентагона спросил, как поступила бы чилийская армия, если бы на этих выборах верх одержал кандидат левых сил Сальвадор Альенде. Генерал Торо Масоте ответил: «За полчаса мы овладеем дворцом Ла Монеда, даже если нам понадобится поджечь его».

Одним из гостей был генерал Эрнесто Баэса, ставший после переворота 1973 года директором Национальной службы расследования в Чили; именно он во время путча руководил штурмом президентского дворца и отдал приказ поджечь его. В тот день прославились и двое его бывших подчиненных: генерал Аугусто Пиночет и генерал Хавьер Паласиос, который участвовал в последней встрече лицом к лицу с Сальвадором Альенде.

За столом сидел также бригадный генерал ВВС Серхио Фигероа Гутьеррес, которому после переворота достался пост министра общественных работ. Он близкий друг другого члена хунты, генерала военно-воздушных сил Густаво Лея, отдавшего приказ обстреливать президентский дворец ракетами. Последним чилийским гостем был нынешний адмирал Артуро Тронкосо, который был тогда военным губернатором порта Вальпараисо; это он организовал кровавую чистку, в результате которой прогрессивные офицеры военно-морского флота были ликвидированы, и дал сигнал к военному мятежу рано утром 11 сентября.

Этот исторический обед был пер-

вым контактом между Пентагоном и чилийскими офицерами — представителями четырех видов вооруженных сил (сухопутной армии, военно-морского флота, авиации и полицейских сил карабинеров). В ходе последовавших встреч как в Вашингтоне, так и в Сантьяго было достигнуто окончательное соглашение: если когда-нибудь Народное единство одержит победу на выборах, то чилийские военные, самые преданные североамериканским идеалам и интересам, захватят власть. Они подготавливали свой переворот хладнокровно, как обычную военную операцию и не считаясь с реальной обстановкой в Чили.

План вмешательства окрестили «чрезвычайным планом». Органом, который ведал его осуществлением, было разведывательное управление министерства обороны США, но его непосредственное выполнение поручили управлению морской разведки, и именно оно собирало и централизовало сведения, поставляемые другими органами, в том числе ЦРУ, под высшим политическим руководством Совета национальной безопасности США. Осуществление этого проекта поручили военно-морскому флоту, а не сухопутной армии по той причине, что путч должен был совпасть с «Операцией Унидас» — совместными маневрами североамериканских и чилийских частей в Тихом океане. Эти маневры и состоялись в сентябре, в том месяце, когда проходили президентские выборы. Благодаря «Операции Унидас» должно было казаться естественным, что на земле и в небе Чили можно было видеть всякого рода военную технику, управляемую людьми, умеющими убивать.

Как раз в это время Генри Киссинджер заявил в неофициальной беседе с группой чилийцев: «Я ничего не знаю о южном полушарии, оно меня не интересует». Разработка «чрезвычайного плана» была закончена, и просто немыслимо, чтобы Киссинджер не был в курсе дела.

Чили — узкая полоса земли длиной в 4270 километров и шириной в 190 километров с населением в 10 миллионов человек, из которых два миллиона живут в столице — Сантьяго. Величие этой страны не столько в ее достоинствах, сколько в том масштабе, который приобретают там исключения. Единственное серьезное производство в стране — это добыча медной руды, но зато это руда лучшего в мире качества.

В 1932 году Чили была провозглашена первой социалистической республикой на континенте, и тогда при восторженной поддержке трудящихся была начата национализация меди и угля. Этот эксперимент продолжался всего 13 дней (в результате военного путча республика пала. — **Ред.**).

В среднем каждые два дня в Чили ощущаются подземные толчки, а каждые три года происходят разрушительные землетрясения.

В определенном смысле чилийцы очень похожи на свою страну. Это самые симпатичные люди на континенте: они любят жизнь, умеют делать ее красивой, но отличаются опасной склонностью к скептицизму и к интеллектуальным домыслам. «Ни один чилиец не верит, что завтра будет вторник», — сказал мне в понедельник один чилиец. Он и сам не верил в это. Однако, несмотря на такое безверие, а может быть, как раз благодаря ему, чилийцы достигли такого уровня цивилизации, политической зрелости и культуры, которым они имели все основания гордиться. Из трех латиноамериканских писателей — лауреатов Нобелевской премии по литературе двое были чилийцами. Один из них, Пабло Неруда, вошел в ряд крупнейших поэтов нашего века.

Киссинджер должен был прекрасно знать обо всем, когда он заявил, что ничего не знает о южном полушарии, ибо правительство Соединенных Штатов до тех пор знало даже самые секретные помыслы чилийцев. В 1965 году оно пыталось проникнуть в них самовольно, без разрешения Чили, с помощью невероятной операции социально-политического шпионажа — плана «Камелот». Этот опрос при помощи анкет с исключительно конкретными вопросами проводился во всех слоях общества, среди представителей всех ремесел, всех профессий и даже в самых отдаленных уголках страны для того, чтобы с научной достоверностью определить степень политической эволюции и социальные тенденции в Чили. В анкете, предназначенной для казарм, был вопрос, который четыре года спустя, на обеде в Вашингтоне, был снова задан чилийским военным: «Какую позицию вы займете в случае прихода к власти коммунистов?» Коварный вопрос. Ибо после операции «Камелот» Соединенные Штаты точно знали, что Сальвадор Альенде будет избран президентом республики.

Не случайно именно Чили была избрана для этого зондирования сознания. Давнишние традиции и сила ее народного движения, упорство и ум его руководителей, а также экономические и социальные условия страны позволили предсказать, какова будет ее судьба. Анализ данных операции «Камелот» подтвердил, что Чили готовится стать второй после Кубы социалистической республикой на континенте.

4 сентября 1970 года на пост президента Чили, как и ожидалось, был избран социалист д-р Сальвадор Альенде. Тем не менее «чрезвычайный план» не был осуществлен. Говорят, кто-то в Пентагоне запросил 200 виз для так называемого «духового оркестра военно-морского флота», который в действительности состоял из специалистов по свержению правительств, включая нескольких высших офицеров, которые и играть-то не умели. Чилийское правительство узнало об этом маневре и отказалось выдать визы. Кое-кто предполагает, что именно этот промах привел к отсрочке авантюры. Однако в действительности дело в том, что этот план полностью пересмотрели: другие североамериканские органы, в частности ЦРУ и посол Соединенных Штатов в Чили Эдвард Корри, сочли, что «чрезвычайный план» представляет собой лишь военную операцию и не учитывает реальных условий Чили.

Джордж ЛАНДАУ, посол США в Чили: «НЕОБХОДИМО ПРЕДПРИНЯТЬ СОВМЕСТНЫЕ УСИЛИЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ ДРУЖБУ МЕЖДУ НАШИМИ СТРАНАМИ».

(Из заявления в аэропорту «Пудуэлс» по прибытии в Сантьяго в декабре 1979 года)

В самом деле, торжество Народного единства не вызвало той социальной паники, на которую рассчитывал Пентагон. Напротив, независимость нового правительства в области внешней политики, его стремление решительно действовать в экономической области сразу же вызвали в обществе обстановку глубокого удовлетворения. В течение первого года были национализированы 47 промышленных предприятий и более половины кредитной системы. В результате аграрной реформы было национализировано 2,4 миллиона гектаров обрабатываемых земель. Процесс инфляции стал более умеренным; удалось снова обеспечить полную занятость, а заработная плата повысилась на 40 процентов.

Предыдущее правительство, которое возглавлял христианский демократ Эдуардо Фрей, положило начало процессу «чилизации» добычи меди. По существу, этот процесс ограничился покупкой 51 процента медных рудников, и за один только рудник Эль-Теньенте была заплачена сумма, превышающая общую стоимость всего предприятия. Народное единство приняло закон о немедленной передаче в распоряжение нации всех залежей меди, эксплуатируемых филиалами североамериканских компаний «Анаконда» и «Кеннекотт». Это было сделано без всякой компенсации: правительство подсчитало, что обе компании

за 15 лет нажили 80 миллиардов долларов сверхприбылей.

Мелкая буржуазия и средние классы — две важные социальные силы, которые могли бы в тот момент поддержать военный государственный переворот, — начали пользоваться неожиданными преимуществами, но не в ущерб пролетариату, как это было всегда, а в ущерб финансовой олигархии и иностранному капиталу. Вооруженные силы как социальная группа состояли из людей одного и того же возраста, одного и того же происхождения и с теми же чаяниями, что и средние классы, и у них не было никаких причин поддерживать горстку офицеров-путчистов. Христианская демократия, сознавая эти факты, не только не поддерживала в тот период гарнизонных заговорщиков, но и оказывала им сопротивление, зная, что они непопулярны среди слоев, поддерживающих христианско-демократическую партию.

Ее цель заключалась в другом: любыми средствами дискредитировать режим, для того чтобы завоевать две трети мест в конгрессе на выборах в марте 1973 года. При таком большинстве она могла проголосовать за конституционное низложение президента республики.

Христианско-демократическая партия в союзе с крайне правой национальной партией контролировала конгресс. Народное единство контролировало исполнительную власть. Поляризация этих двух сил, по существу, отражала поляризацию в самой стране.

Североамериканская экономическая блокада, введенная после экспроприаций без компенсации, и внутренний саботаж буржуазии достигли цели. В Чили производили все — от автомобилей до зубной пасты, однако структура чилийской промышленности порочна: в 160 самых крупных предприятиях 60 процентов капитала принадлежит иностранцам, а 80 процентов сырья и оборудования импортируется. Кроме того, стране ежегодно нужно было 300 миллионов долларов, чтобы импортировать потребительские товары, и еще 450 миллионов долларов для выплаты внешнего долга.

Кредиты социалистических стран не могли восполнить эту острую нехватку валюты, ибо вся чилийская промышленность, сельское хозяйство и транспорт пользовались североамериканским оборудованием.

Потребности Чили были огромными и безотлагательными. Веселые буржуазные дамы использовали в качестве предлога нормирование продуктов и «чрезмерные» требования бедного населения. Одетые в дорогие меха, в шляпах, украшенных цветами, они вышли на улицы, гремя пустыми кастрюлями.

Президент Сальвадор Альенде понял тогда и сказал, что правительство состоит из представителей народа, но у народа нет власти. Это заявление было более горьким, а также более тревожным, чем могло показаться, так как сердце Альенде было полно того уважения к законности, которое, очевидно, стало причиной его собственной гибели: этот человек, который сражался до конца, отстаивая законность, вполне мог бы покинуть дворец Ла Монеда через парадный вход, с высоко поднятой головой, если бы конгресс сместил его с поста прéзидента конституционным порядком.

Итальянская политическая деятельница Россана Россанда, которая нанесла визит Альенде в то время, нашла его постаревшим, напряженным, полным мрачных предчувствий. Он сидел на том самом диване, обитом желтым кретоном, на котором потом лежал, прошитый пулями, с лицом, обезображенным ударом приклада. Отныне даже те представители христианско-демократической партии, которые раньше относились к нему хорошо, были настроены против него. «Даже Томич?» — спросила у него Россанда. «Все», — ответил Альенде.

Накануне выборов в марте 1973 года, когда должна была решаться его судьба, он заявил, что был бы удовлетворен, если бы коалиция Народного единства получила 36 процентов голосов. А между тем, несмотря на безудержную инфляцию, несмотря на жесткое рационирование продуктов, несмотря на концерт на кастрюлях, который устроили разбушевавшиеся буржуазки, он получил 44 процента голосов. Это была столь сенсационная и столь решительная победа, что Альенде, оставшись в своем кабинете наедине со своим другом и доверенным лицом, журналистом Аугусто Оливаресом, закрыл дверь и пустился в пляс.

Для христианско-демократической партии это было доказательством того, что демократический процесс, которому положила начало коалиция Народного единства, уже нельзя было сдержать легальными средствами, но эта партия была неспособна правильно оценить последствия авантюры, на которую собиралась пойти, — непростительный случай исторической безответственности. Для Соединенных Штатов это предостережение имело гораздо большее значение, чем интересы экспроприированных компаний: речь шла о недопустимом прецеденте мирной эволюции. Все силы внутренней и внешней реакции сплотились в монолитный блок.

Забастовка владельцев грузовиков сыграла роль детонатора. Ландшафт страны гористый, поэтому экономика Чили полностью зависит от автомобильного транспорта. Парализовать его — это значит парализовать Чили. Для оппозиции это было легким делом, так как корпорация владельцев грузовиков больше всех пострадала от нехватки запасных частей, и, кроме того, ей угрожали правительственные проекты, предусматривавшие национализацию транспорта. Забастовка продолжалась до победного конца, не прекращаясь ни на минуту: ее финансировали извне звонкой монетой. «ЦРУ наводнило страну долларами, чтобы поддержать забастовку предпринимателей, и эта валюта хлынула на черный рынок», — писал Пабло Неруда одному другу в Европе. За неделю до путча уже не было ни растительного масла, ни молока, ни хлеба.

В последние дни существования коалиции Народного единства в этой стране с подорванной экономикой, стоявшей на грани гражданской войны, маневры правительства и оппозиции были направлены на достижение одной цели — изменить, каждый в свою пользу, равновесие сил в рядах армии. Последний удар был мастерским: за 48 часов до путча оппозиции удалось опорочить и сместить тех представителей верховного командования, которые поддерживали Альенде, и назначить на их место, одного за другим, с помощью ряда ловких маневров, всех тех офицеров, которые присутствовали на обеде в Вашингтоне.

Однако уже с этого момента контроль над политической обстановкой ускользнул из рук главных участников событий. Увлекаемые необратимой диалектикой, они сами в конце концов превратились в пешки на более обширной шахматной доске, гораздо более сложной, имеющей гораздо большее политическое значение, чем просто заговор, сплетенный империализмом и реакцией против народного правительства. Это было ужасное классовое столкновение, вышедшее из-под контроля тех самых людей, которые его вызвали, неумолимое столкновение противоположных интересов, заключительный пароксизм которого вылился в беспрецедентный во всей истории Америки социальный катаклизм.

В этих условиях военный переворот не мог не быть кровавым. Альенде это знал: «Не следует играть с огнем, — сказал он Россанде. — Если кто-либо думает, что в Чили военный государственный переворот будет чем-то вроде простой смены караула у дворца Ла Монеда, то он глубоко ошибается. Если армия преступит законность, прольются реки крови». Эта уверенность основывалась на исторических данных.

Чилийские вооруженные силы, вопреки тому, чему нас заставили поверить, вмешивались в политику всякий раз, когда чувствовали, что интересы правящего класса находятся под угрозой, и всякий раз прибегали к невероятно жестоким репрессиям. Последний путч — уже шестое событие такого рода за последние 50 лет.

Свой кровожадный темперамент

чилийская армия приобрела в той ужасной школе, какой была война с арауканами[1], которая продолжалась триста лет. Один из ее родоначальников похвалялся в 1620 году тем, что он собственноручно убил за одну операцию более двух тысяч человек. Хоакин Эдвардс Бельо рассказывает в своей хронике, что во время эпидемии тифа военные приказали больным выйти из домов и прикончили их, отравив ядом, чтобы положить конец эпидемии.

Особенно жестоко подавлялись народные движения. После землетрясения в Вальпараисо в 1906 году военно-морские силы ликвидировали организацию портовиков, убив восемь тысяч рабочих. В Икике в начале этого столетия бастующие демонстранты, преследуемые войсками, спрятались в городском театре. Их расстреляли из пулеметов; погибло две тысячи человек. 2 апреля 1957 года армия подавила бунт в торговом центре Сантьяго. Число погибших невозможно было установить по той простой причине, что правительство спрятало трупы и приказало захоронить их тайно.

Во время забастовки на руднике «Эль-Сальвадор» при правительстве Эдуардо Фрея военный патруль открыл огонь по демонстрации и разогнал ее. При этом было убито шесть человек, в том числе дети и беременная женщина. Командовал этой операцией никому тогда не известный 52-летний генерал, отец пятерых детей, географ по образованию и автор нескольких книг по военным проблемам, Аугусто Пиночет.

Миф о приверженности закону и о необычайной мягкости этой кровожадной армии был придуман в хорошо понятных интересах чилийской буржуазии. Коалиция Народного единства надеялась изменить в свою пользу состав высших офицерских кадров. Но Сальвадор Альенде больше доверял карабинерам — вооруженному корпусу, состоявшему из выходцев из народа и в первую очередь из крестьян, который подчинялся непосредственно президенту республики. Фактически лишь старая гвардия офицеров-карабинеров поддержала хунту. Самые молодые забаррикадировались в школе унтер-офицеров в Сантьяго и оказывали сопротивление четыре дня, до тех пор, пока их не уничтожили бомбами летчики-путчисты.

Накануне государственного переворота путчисты перебили офицеров, которые отказались их поддержать. Тогда вспыхнули восстания целых полков и в Сантьяго, и в провинции, но они были безжалостно подавлены, а их организаторы расстреляны для устрашения остальных. Так был расстрелян командир кирасиров полковник Кантуариас.

В этих трагических событиях приняли участие многочисленные иностранные агенты. Бомбардировка дворца Ла Монеда, техническая точность которой поразила специалистов, была делом рук североамериканских «воздушных акробатов», которые прибыли в Чили под прикрытием «Операции Унидас» якобы для циркового воздушного представления 18 сентября, в годовщину национальной независимости. В 1972 году генерал Уильям Уэстморленд совершил секретную поездку в Боливию[1]. Нельзя считать случайным тот факт, что вскоре после этого тайного визита войска и военная техника двинулись к границе с Чили. Это предоставило чилийским военным дополнительную возможность укрепить свое положение внутри страны, заняться сменой персонала и назначением определенных офицеров на высокие посты, чтобы те могли способствовать намечавшемуся государственному перевороту. И наконец 11 сентября: сначала приблизили дату «Операции Унидас», а в конце концов претворили в жизнь план, задуманный на обеде в Вашингтоне, правда, с трехлетним опозданием и не в том виде, в каком он был разработан: не как гарнизонный мятеж обычного типа, а как самую настоящую разрушительную военную операцию.

Уже спустя четыре месяца после путча итоги были страшными: около 20 тысяч убитых, 30 тысяч политических заключенных были подвергнуты жестоким пыткам, 25 тысяч студентов исключены из университетов и более 200 тысяч рабочих уволены.

В час заключительной битвы, в то время, когда страна находилась во власти разъяренных путчистов, Сальвадор Альенде упорно старался соблюдать законность. Он был одновременно убежденным противником насилия и ревностным революционером. Это было самое драматическое противоречие его жизни. Альенде считал, что он его преодолел, убедив себя в том, что обстановка в Чили делает возможным мирный переход к социализму в рамках буржуазной законности. Опыт слишком поздно научил его, что, для того чтобы изменить систему, недостаточно входить в правительство: нужно иметь власть в своих руках.

Возможно, что это запоздалое открытие позволило ему найти в себе силы для того, чтобы сопротивляться до конца в объятых пламенем руинах дворца, который уже не был его резиденцией, в руинах мрачного здания, построенного итальянским архитектором для монетного двора и переставшего существовать, превратившись в последнее убежище президента, лишенного власти. Он сопротивлялся шесть часов, вооруженный автоматом, который ему подарил Фидель Кастро, — первое огнестрельное оружие, которым когда-либо пользовался Сальвадор Альенде. Рядом с ним оставался до конца, несмотря на то, что был весь изранен, журналист Аугусто Оливарес; он скончался затем в больнице.

Примерно в 16 часов дивизионному генералу Хавьеру Паласиосу удалось прорваться на второй этаж вместе со своим адъютантом капитаном Гальярдо и группой офицеров. Там, в Красном салоне, среди комодов «под Людовика XV», среди китайских ваз с драконами и картин Рухендаса, их ждал Сальвадор Альенде. На голове у него была каска шахтера, он был без пиджака и без галстука. Его одежда была в крови, в руке он держал автомат.

Альенде хорошо знал генерала Паласиоса. За несколько дней до этого он сказал Аугусто Оливаресу, что считает Паласиоса опасным человеком, поддерживающим тесные контакты с посольством Соединенных Штатов. Увидев его на лестнице, Альенде крикнул: «Предатель!» — и, выстрелив, ранил его в руку.

Альенде погиб во время перестрелки с этим патрулем. А затем каждый офицер, по армейской традиции, выстрелил в упор в его тело. И, наконец, какой-то унтер-офицер ударом приклада обезобразил его лицо. Есть фотография: ее сделал Хуан Энрике Лира, репортер газеты «Меркурио», единственный журналист, которому разрешили сфотографировать труп. Он был настолько неузнаваем, что, когда его, уже лежащего в гробу, показали Ортенсии Альенде, ей не позволили взглянуть на его лицо.

В июле 1973 года ему исполнилось 64 года; он был человеком упорным, решительным, человеком непредвиденных поступков. «Как считает Альенде, это знает только Альенде», — сказал мне один из его министров. Он любил жизнь, любил цветы и собак, был галантным кавалером прошлой эпохи, когда было принято дарить надушенные билеты. Он был последовательным, и это было его самое большое достоинство. Но судьба уготовила ему редкое и трагическое величие — умереть, защищая с оружием в руках этот анахронизм — красивые слова буржуазного права: защищая Верховный суд, который отрекся от него, но который оправдал его убийц; защищая жалкий конгресс, который объявил, что действия Альенде противоречат конституции, но который с радостью подчинился воле узурпаторов; защищая свободу оппозиционных партий, которые продали душу фашизму; защищая изъеденное молью наследие дерьмовой системы, которую он хотел ликвидировать без единого выстрела.

---

[1] *Индейские племена, населявшие территорию Чили, оказывали стойкое сопротивление колонизаторам вплоть до XVIII века. — Примеч. ред.*

[1] *У власти в Боливии в тот момент находился реакционный режим генерала У. Бансера. — Примеч. ред.*

Дж. КАРТЕР, президент США:

«МЫ ЖЕЛАЕМ ШАХУ ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО. МЫ БЛАГОДАРИМ ЕГО ЗА ПРОДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИИ».

(Из беседы с сыном бывшего шаха Ирана, кронпринцем Реза в Белом доме, 31 октября 1978 г.)

«Как вы знаете, мы считаем шаха своим другом, военным союзником...»

(Из интервью корреспонденту «Паблик бродкастинг систем», переданному по телевидению 13 ноября 1978 г.)

«...между президентами, между мною, моими предшественниками и шахом очень хорошие и давние отношения...»

(Из беседы с журналистами на встрече за завтраком 7 декабря 1978 г.)

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ СТАВЛЕННИКА ЦРУ

«СЛИШКОМ ДОБРЫЙ ШАХ»

С тех пор как в 1953 году ЦРУ помогло свергнуть конституционное правительство Мохаммеда Мосаддыка в Иране, американские должностные лица и печать всегда изображали шаха Мохаммеда Реза Пехлеви «популярным реформатором», давшим землю беднякам, искореняющим «феодальное неравенство», совершающим «экономические чудеса» с помощью доходов от нефти. Шах, как нам твердили, стремился улучшить жизнь своего 36-миллионного народа, оберегая в то же самое время стратегические интересы США.

Неудивительно, что первоначальной реакцией западной печати на кризис в Иране было недоумение: как мог такой просвещенный правитель оказаться в неладах со своим народом?

Американцы всегда игнорировали те факты в отношении Ирана и шаха, которые для самих иранцев были слишком очевидными. После 25 лет «белой революции» шаха, в ходе которой в Иран хлынули миллиарды нефтедолларов, три пятых крестьянских семей оставались либо вообще безземельными, либо почти без земли.

В американских газетах печатались высказывания шаха на тему об образовании, но те же газеты обращали гораздо меньше внимания на то обстоятельство, что 60 процентов взрослого населения в Иране как было, так и осталось неграмотным.

Непосредственной причиной недовольства шахом среди широкой иранской общественности были финансовые скандалы, к которым оказалась причастной семья монарха, и огромный разрыв между бедными и богатыми.

Что касается демонстраций иранцев — в основном иранских студентов в США, протестовавших против САВАК (тайной полиции шаха), — считалось, что они отражают недовольство лишь небольшой группы эмигрантов. Еще бы, разве САВАК не была необходима для борьбы с угрозой терроризма и с опасностью коммунизма в этой критически важной и нестабильной части земного шара? Однако на самом деле шах создавал полицейское государство, с политическими заключенными, пытками, нередко приводившими к смерти пытаемых, военными трибуналами и казнями.

События в Иране развеяли миф о том, что шах — любимый и почитаемый правитель. И тогда в ход был пущен новый миф о том, что у шаха возникли серьезные неприятности не потому, что он санкционировал нарушение прав человека, а потому, что он был слишком добрым, слишком прогрессивным для отсталых масс, устремленных в прошлое, которое он всеми силами старался модернизировать. Шаха стали изображать реформатором, единственной ошибкой которого было то, что он пытался сделать для своего народа слишком много и слишком быстро.

Эрванд АБРАХАМЯН
(журнал «Прогрессив», США)

Тегеран, сентябрь 1978 года, агония шахского режима. Жертвы террора шахской охранки САВАК, натасканной специалистами ЦРУ (слева).
Тегеран, канун нового, 1979 года (справа).

«КАК ЭТО ПОРАЗИТЕЛЬНО!»

Петер БОЛС

Два «джипа», в которые набилось человек пятнадцать, резко тормозят перед железными воротами. Их предводитель с виду страшен. Огромного роста, с длинными, до коленей, руками, низким лбом и выпученными глазами, он похож на гориллу. Это Шабан Яфари по кличке Безмозглый. В столице Ирана его хорошо знают. Его банду обычно не увидишь на этой улице, где в тени садов спрятались шикарные виллы богачей, иностранные представительства, дома депутатов парламента, а совсем рядом зимний дворец шахиншаха, царя царей. Но Яфари приказано явиться именно сюда. А «джипы» предоставлены в его распоряжение армейскими офицерами.

Отрывок из книги «С чековой книжкой и пистолетом». Берлин, 1966.

В эти же минуты неподалеку, на базаре, собрались сторонники шаха, богатые торговцы, ремесленники, студенты из помещичьих семей. Их крики — «Шах должен остаться!» — доносятся до солидной улицы Ках, где Яфари отдает свои распоряжения. Один из «джипов» разгоняется и на полной скорости врезается в железные ворота дома номер сто пятнадцать. Ворота распахиваются. Из виллы открывают огонь, но горилла и его подручные бросаются вперед.

Но вот огонь автоматов утихает — банда Яфари захватила здание. Вооружившись железными прутьями, громилы врываются в спальню, спартанская обстановка которой как-то не вяжется с этой белой виллой. Но, кроме разобранной постели, простой железной кровати и разбросанных предметов туалета, в комнате ничего и никого нет.

Хозяин виллы доктор Мохаммед Мосаддык, больной старый человек, премьер-министр Иранской империи, успел сбежать в одной пижаме по подземному ходу на соседнюю виллу, где размещена американская миссия «Пойнт фор».

«Пойнт фор», то есть «Пункт четвертый», — это особая часть «плана Маршалла», который, в частности, предусматривал техническую и экономическую помощь так называемым слаборазвитым странам с тем, чтобы они, как заявил в марте 1950 года государственный секретарь США Ачесон, «не обратились к коммунизму». Служащие миссии в Тегеране должны были препятствовать освобождению Ирана от диктата из-за океана, возникновению демократической республики.

И именно к ним бежал доктор Мосаддык. Янки всеми силами старались изобразить изумление при виде представшего перед ними пожилого человека в пижаме. В то время как бандиты Яфари в бешенстве от того, что упустили свою жертву, крушили все подряд на вилле, американцы, всеми фибрами души ненавидевшие премьер-министра, принимали его на своей вилле в ожидании дальнейшего хода событий. Воистину, история умеет посмеяться над заговорщиками. Этот эпизод произошел в феврале 1953 года.

Мохаммед Мосаддык родился в 1897 году в состоятельной семье и уже в восемнадцать лет пошел на государственную службу. После 1917 года он был министром, затем губернатором провинции. Но когда фельдфебель кавалерии Реза Пехлеви стал диктатором Ирана, а затем в 1925 году провозгласил себя шахом, доктор Мохаммед Мосаддык вынужден был уйти с государственной службы. Его политическая карьера, казалось бы, была закончена.

Но вторая мировая война, в корне изменившая всю ситуацию в мире, не обошла стороной и Иран. Реза Пехлеви заигрывал с гитлеровской Германией. Чтобы воспрепятствовать планам фашистов, советские и английские войска заняли часть территории Ирана. Шах отрекся от престола в пользу своего сына. А Мосаддыка в 1944 году вновь избрали в парламент. Выборы прошли в марте. А уже в октябре все единодушно связывали его имя с нефтью, главным богатством Ирана. Тогда же стали говорить: «Нефть — кровь Ирана, и Мосаддык хочет вернуть ее стране».

С тех пор борьба иранского народа за свою нефть не прекращалась ни на один день. 15 марта 1951 года меджлис принял закон о национализации нефтяной промышленности, 9 апреля во главе правительства стал Мосаддык. Основным пунктом программы его правительства было осуществление закона о национализации нефти.

Опасения за нефтяные прибыли заставили двух главных мировых конкурентов по части раздела нефти, США и Англию, прибегнуть к совместной акции. 20 ав-

густа 1952 года премьер-министру Мосаддыку вручают письмо за подписями премьер-министра Англии Уинстона Черчилля и американского президента Гарри С. Трумэна. Это ультиматум. В нем содержатся условия, которые должен выполнить Иран, чтобы все осталось на своих местах. В случае согласия Мосаддыку обещан «гонорар» в размере десяти миллионов долларов.

Мосаддык упрямится, и тогда партнеры прекращают полагаться только на дипломатические демарши. В главной квартире ЦРУ лихорадочно перебираются досье на иранских высших офицеров. Кто из них может пригодиться? Кого стоит купить?

Работники ЦРУ не случайно закинули свои сети в иранскую армию. Генералитет и высшее офицерство всегда были теснейшим образом связаны со двором, в том числе и родственными узами. А Мосаддык, этот «штафирка», им крайне неприятен. Их никак не устраивает вся политика премьер-министра, равно как и его политические друзья.

К тому же Мосаддык не только глава правительства, но и министр обороны, и свои полномочия он использовал как следует. Уже уволены из армии более двухсот офицеров. Так что недовольных пруд пруди. Выбор у ЦРУ достаточный. А поскольку иранская армия готовилась при помощи американских инструкторов, существуют и другие каналы, личные связи.

Выбор падает на ярого врага англичан, генерала Фацлоллаха Захеди, пятидесяти шести лет, помещика, бывшего воспитанника военной академии, который уже в двадцать пять лет получил от Пехлеви-отца чин бригадного генерала. В 1941 году он был генеральным инспектором иранской армии, подобно своему владыке хотел заключить союз с Гитлером. Будущий оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени как раз готовил к выброске своих людей, которых поджидал генерал Захеди. В это время в штаб-квартиру генерала явился английский капитан. Направив на ошарашенного генерала автоматический кольт, он сказал ему: «Если поднимете шум, буду стрелять». Увезя с собой главу прогитлеровского заговора, английский капитан нарушил многообещающие планы гитлеровцев. До 1945 года Захеди был интернирован в Палестине и ненавидел англичан лютой ненавистью. Поэтому до определенного момента — до изгнания англичан с руководящих постов в национализированных нефтяных компаниях — он шел с Мосаддыком.

Теперь же Захеди, за спиной которого стоят американцы, провоцирует кровопролитные беспорядки. Перепуганные депутаты парламента бегут из Тегерана. Бежит и его величество шах — для начала в свою летнюю резиденцию на Каспийском море.

Здесь Мохаммед Реза ставит свою витиеватую подпись под тремя документами, каждый из которых он тщательно обсудил с Норманом Шварцкопфом — американским бригадным генералом и доверенным лицом Аллена Даллеса, директора ЦРУ. Достаточно пересказать коротко смысл шахских указов. Указ номер один лишал Мохаммеда Мосаддыка должности премьер-министра. По указу номер два на его пост назначался американский ставленник — генерал Захеди. По указу номер три увольнялись в отставку поддерживавшие Мосаддыка офицеры генерального штаба во главе с его начальником генералом Риахи.

Зачитать по радио эти декреты и призывы шаха к народу и поставить обо всем в известность самого Мосаддыка поручают полковнику Насири, начальнику шахской охраны.

16 августа 1953 года Насири прибывает в столицу. Для начала оповещает обо всем Захеди, а затем отправляется к Мосаддыку. В последовавшие часы некоторые офицеры из американской миссии, наверное, поседели. И вот почему. Не найдя генерала Риахи, группа Насири направилась прямиком на виллу Мосаддыка.

Полковник передает премьер-министру указ о его увольнении в отставку. Старый политик в раздумье читает этот документ. Поначалу вроде растерянный, он смотрит на полковника и вдруг приказывает начальнику своей охраны: «Арестуйте этого человека!»

Все шестьдесят солдат Насири, с помощью которых должно быть свергнуто правительство, оставшись без командира, разбегаются кто куда. А в главной квартире ЦРУ организаторы этого дилетантского путча, получив крепкую взбучку, мотают на ус: безынициативному шаху с его придворной кликой, спившейся и продавшейся, переворота в стране не совершить. Необходимо отказаться от всякого камуфляжа и действовать самим.

А что же с человеком, к которому в эти дни в Иране никто всерьез не относится и который подписал указы, оказавшиеся невыполненными? Он торопливо садится вместе с женой, шахиней Сорейей [1], в небольшой спортивный самолет и несколько часов спустя приземляется на аэродроме в Багдаде.

В то время, как они после бессонной ночи во дворце короля Ирака [2] — в Багдаде в августе жарко, как в аду, — готовятся к полету в Рим, население Тегерана вновь выходит на улицы. Одна за другой возникают стихийные демонстрации. Из колонн демонстрантов раздаются крики: «Долой шаха! Да здравствует республика!»

Тысячи людей хотят собраться перед мавзолеем Резы Пехлеви. Но путь им преграждает полиция. Тогда демонстранты поворачивают на площадь перед зданием парламента, где стоит огромная статуя шаха Резы Пехлеви. Четыре часа подряд возмущенный народ пытается руками свалить памятник. Люди на ходу импровизируют, напевая издевательские песенки в адрес бесславно бежавшего презренного монарха. Наконец кто-то подводит автокран. И под торжествующие крики тысяч людей памятник грохается оземь.

Правительство Мосаддыка создало тем временем регентский совет как замену шаху. Одновременно оно ясно и недвусмысленно дало понять, что не помышляет о свержении монархии и провозглашении республики.

В тот же день, 17 августа 1953 года, в Тегеран спешно возвращается еще одно доверенное лицо Аллена Даллеса — посол Лой Гендерсон. Тут же, ранним утром, он едет к Мосаддыку и без всяких дипломатических тонкостей объявляет ему: «Соединенные Штаты признают в качестве премьер-министра только генерала Захеди. Более мне нечего вам сказать».

И генерал Захеди, за голову которого Мосаддык объявил награду в сто тысяч риалов, спрятавшийся бог знает где, узнает об этом — и переводит дух.

18 августа Мохаммед Реза и шахиня Сорейя около полудня прибывают в Рим. Шах прячет глаза за огром-

[1] *Бывшая жена шаха. — Примеч. ред.*

[2] *Антиимпериалистическая и антифеодальная революция в Ираке совершилась в 1958 году. — Примеч. ред.*

ЭКСКУРСИИ В ЗАСТЕНКИ САВАК

Петер **ЗАЙДЛИЦ**,
западногерманский журналист

„Кредо ЦРУ всегда было таким: мы не против диктаторов, если это н а ш и диктаторы. На всех совещаниях работников ЦРУ, занимающихся Ираном, наше начальство подчеркивало, что шах нужен Соединенным Штатам».

Человек, который с такой уверенностью отзывается о работе Центрального разведывательного управления США, знает, что говорит. Потому что он — 39-летний Джесс Джеймс Лиф — работал начальником иранского отдела ЦРУ с 1968 по 1973 год. В результате стычек с начальством из-за того, что его доклады отходили от установленной линии на восхваление шаха, Лифу при-

ными темными очками. Он небрит. Коричневое шелковое платье Сорейи измято. Вид их должен вызывать жалость, к чему они и стремятся. Сорейя уверяет журналистов: «У нас нет ничего, совершенно ничего, у меня нет с собой даже второго платья. Я смогла захватить только несколько драгоценностей. Мы бедны, бедны!» А шах, напротив, повторяет: «Мое пребывание в Италии не что иное, как летний отдых».

Один из сотрудников иранского посольства отвозит шахскую пару в отель «Эксцельсиор», где сливки общества города на Тибре предаются сладкой жизни. Там монаршей чете отводят две комнаты на пятом этаже.

Якобы совершенно обедневшая Сорейя через час — «смертельно усталая» — наносит визит римскому королю мод Эмилю Шуберту и в течение четырех часов на нее шьют утренний, дневной и вечерний туалеты.

А в Тегеране 19 августа 1953 года наносит свой удар ЦРУ. Так повелел Аллен Даллес.

Организационные нити собраны в руках соседа Мосаддыка — мистера Уорна, официального руководителя тегеранской миссии «Пойнт фор». Он уже накануне велел стянуть к столице войска, чего якобы не заметил начальник генерального штаба. Генерал Риахи в это время занят тем, что отдает приказы стрелять в рабочих.

Собрать войска оказывается делом отнюдь не сложным. Генерал Захеди, получив указание от Уорна, передал его своим друзьям офицерам, находившимся на службе, и они приказали солдатам выступить, хотя никакого приказа командования на сей счет не было.

Уорн предваряет события этого дня «народной демонстрацией». Это, по его мнению, лучший способ прикрыть тот факт, что в деле замешаны американцы. Под предводительством Шабана Яфари, которому после неудавшегося покушения в феврале 1953 года тоже удалось скрыться, утром 19 августа 1953 года ровно в восемь часов у главного вокзала собирается пятьсот человек из отбросов иранской столицы. Они вооружены дубинками и железными прутьями. Скопище подонков направляется к центру города и избивает всякого, кто их не приветствует, разбивает витрины и мародерствует.

Лишь два с половиной часа спустя появляется полиция. Но теперь она уже не знает, кто друг, а кто враг. Зато офицеры точно знают, чего хотят. Они тоже участвуют в заговоре Захеди. И поэтому им нетрудно уговорить полицейских присоединиться к подонкам вместо того, чтобы разгромить их.

Бандиты маршируют к зданию правительства. Американский советник при иранской жандармерии полковник Маклинд вновь посылает бандитов Яфари на улицуКах. Заговор должен увенчаться арестом доктора Мосаддыка. Теперь ему не спастись на вилле миссии «Пойнт фор». Но люди Захеди наталкиваются на сопротивление. Верные Мосаддыку солдаты в течение трех часов отстреливаются с виллы. И Мосаддыку вновь удается бежать. Тогда бандиты тут же, на улице, стали распродавать его имущество — радиоприемник, холодильник, шкафы, столы и стулья — кто больше заплатит.

С наступлением вечера в Тегеране начинается «ночь длинных ножей». Сторонников Мосаддыка, а тем более членов Народной партии Ирана арестовывают, мучают, забивают до смерти, расстреливают. Кровавые дни в истории Ирана.

Центральный телеграф был занят путчистами уже в 13.30. Несколько погодя первые телеграфные сообщения были переданы в Вашингтон, Лондон и Рим.

Мохаммед Реза сидит после обеда за небольшим зеленым столиком в холле гостиницы «Эксцельсиор». Вокруг шаха и Сорейи суетятся туристы и журналисты. Зеваки не сводят с них любопытных глаз, журналисты задают свои назойливые вопросы, получая весьма расплывчатые ответы. И вдруг в холл влетает еще один репортер и сообщает о последних событиях в Тегеране. Шах бледнеет — ни один из журналистов не забыл отметить эту деталь, — но с деланным безразличием переспрашивает: «Это правда?» Помолчав, он с хрипотцой в голосе провозглашает: «Я знал это! Знал! Мой народ любит меня». А Сорейя не находит ничего лучшего, как без конца повторять: «Как это поразительно!» Во вспышках блицев она кладет руку на руку шаха.

Час спустя три тысячи любопытствующих туристов толпятся перед входом в гостиницу. Никто из них не обратил внимания на седовласого господина, вошедшего в это же время в гостиницу через боковой вход. Он имел беседу с шахом с глазу на глаз. Имя этого человека Аллен Даллес.

Босс ЦРУ мог быть доволен. Несколько дней спустя журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «На этот раз американская помощь оказалась эффективной и целесообразной».

Два дня спустя на тегеранском аэродроме Мехрабад приземляется серебристый двухмоторный самолет. Шахиншах вернулся. У трапа его встречает генерал Захеди. Он низко кланяется и целует 34-летнему владыке руку.

К приезду шаха успели приготовиться. На стенах домов, заводов и фабрик тщательно замазаны лозунги: «Янки гоу хоум!»

Нет, янки отнюдь не уходят. Совсем наоборот. 2 сентября они предоставляют Ирану помощь в размере 23 миллионов долларов, а уже 5 сентября — 45-миллионный кредит. Так вашингтонские политики подготавливают почву для возобновления переговоров об иранской нефтяной промышленности. Генерал Захеди приглашает для этих переговоров специального советника. Его зовут Торкайлд Рибер. Он американец, вынужденный в 1940 году уйти с поста президента «Тэксас ойл компани», ибо слишком открыто выступал за человека по имени Адольф Гитлер. Как, впрочем, и генерал Захеди.

29 октября 1954 года подписываются новые соглашения.

Вместо англо-иранской нефтяной компании создается международный консорциум, в котором нефтяные монополии США получают сорок процентов акций. Иранский нефтяной конфликт решен совершенно во вкусе Рокфеллера и Даллеса.

В тот момент, когда полиция мучила иранских патриотов в камерах пыток, шах триумфально въезжал в разукрашенный Тегеран. В тот же день, 22 августа 1953 года, Кеннет Лоув из «Нью-Йорк таймс» передал в свою редакцию:

«За полицейскими кордонами собралось совсем немного народу, так как время прибытия шаха держалось в строгом секрете. Здравицы в его честь провозглашали очень немногие, которыми командовал Шабан Яфари по кличке Безмозглый...»

Перевел с немецкого Е. ПЕТРОВ

шлось уйти из «фирмы», как называют свое ведомство сотрудники ЦРУ.

Непосредственно в Иране на ЦРУ работало более двухсот агентов и специалистов. «ЦРУ, — рассказывает Лиф, — организовало специальные курсы для сотрудников иранской секретной службы САВАК. Их обучали методике «допросов с пристрастием» и пыток». Техническое оснащение, которое ЦРУ поставляло иранской охранке, включало орудия пыток. Программа спецкурсов, как говорит Лиф, опиралась на методы нацистов времен второй мировой войны. Лифу не известно, чтобы кто-то из агентов ЦРУ лично присутствовал при пытках в застенках САВАКа, зато многие его коллеги бахвалились тем, что савановцы водили их в камеры пыток и во всех подробностях рассказывали им о конкретных случаях.

Подобно ЦРУ, в Иране действовали и отделы секретной службы государственного департамента, и агенты разведки Пентагона. «Для военных, — говорит Лиф, — главным было продать шаху побольше оружия». Как известно, Пентагон в этом весьма преуспел. Только за период с 1972-го по середину 1978 года военно-промышленные монополии США поставили шаху вооружений на 30 миллиардов марок. Причем шаху продавали самое совершенное из того, чем располагал американский арсенал.

ЧУДЕСНЫЕ СНЫ БЫВШЕГО ХОЗЯИНА ПАВЛИНЬЕГО ТРОНА

Лионель ван дер МОЙЛЕН,
западногерманский журналист

Монарший лоск стерт, власть утрачена. У бывшего хозяина павлиньего трона Мохаммеда Реза Пехлеви осталось «только» богатство, а с ним и уважение со стороны коллег — сверхбогачей нашего мира.

Согласно самым осторожным оценкам экспертов личное состояние бывшего иранского монарха достигает как минимум двух миллиардов долларов, а все семейные капиталы должны составлять двадцать миллиардов долларов. Чтобы скопить эту сумму, иранцу, получавшему среднюю месячную зарплату в 185 долларов, надо было трудиться (не расходуя ни цента из этой зарплаты) девять миллионов лет. Семейство Пехлеви скопило, а проще сказать, награбило свое состояние за каких-то пятьдесят лет.

Папаша новоявленного рантье Мохаммеда Реза — Реза Шах — выбился из погонщика ослов в генералы и, в 1925 году свергнув династию Каджаров, захватил трон. Новый правитель, не теряя времени, занялся личным обогащением. Потопив в крови мятеж знати, он присвоил имущество поверженных врагов. Фундамент будущего миллиардного состояния был заложен в течение одного года. Отправленный в 1941 году англичанами в изгнание (в ЮАР. — Ред.) основатель династии оставил своему сыну и наследнику земельные угодья — две тысячи сто деревень с лесами, пастбищами и реками, а также внушительное состояние за границей — главным образом в виде банковских счетов в Швейцарии.

Сынок очень скоро проявил себя смышленым наследником. Благодаря богатым доходам от нефти страна делала первые шаги по пути индустриализации, и семейство Пехлеви не могло стоять в стороне от прогресса. Поместье за поместьем — шах и члены его семьи распродавали свои землевладения, а затем, скупив пакеты акций, а то и просто с помощью конфискаций, завладели 170 предприятиями: банками и страховыми конторами, автозаводами и гостиницами, сахарными заводами и строительными фирмами, пароходными компаниями и горнорудными разработками, ночными клубами, цементными заводами и торговыми заведениями. На счета семейства Пехлеви поступали все доходы от игорных домов и государственных лотерей.

Главный финансовый советник шаха изобрел для шахских акционерных предприятий такие особые законодательные условия, что экономика Ирана превратилась в частную лавочку самообслуживания для семьи Пехлеви. Кроме того, шах, шахиня, кронпринц, фонд Пехлеви и все предприятия, чей капитал входил в этот фонд, были освобождены от подоходного налога.

Фонд Пехлеви и входившие в него фонды различных членов семьи официально выдавали себя за благотворителей иранского общества. Между тем деньги на благотворительные проекты (строительство больниц, стипендии учащимся и т. п.), которые громогласно объявлялись деяниями фонда Пехлеви, всегда брали прямо из государственного бюджета — из года в год по сто с лишним миллионов долларов. Зато не афишируемые и свободные от налогообложения доходы шахских промышленных предприятий тут же употреблялись на новое дело или на роскошную покупку. Были основаны такие монаршие институты, которые содержались целиком за счет государственного бюджета, но были полностью в распоряжении шаха и его двора. В их числе «Имперский сельский клуб», «Имперский конный клуб», «Имперский авиационный клуб». Иногда эти институты выступали через свои дочерние ответвления в качестве инвеститоров за границей. Так, зарегистрированный в Швейцарии «Имперский конный клуб» Ирана приобрел в 1976 году в Англии за два миллиона марок усадьбу «Стайлменс стад».

В Соединенных Штатах агентами шаха по закупке недвижимости выступали главным образом нью-йоркский филиал фонда Пехлеви и контролируемый шахом банк «Фёрст Нэшнл Висконсин оф Милуоки». Владения Пехлеви в США включают: 27-комнатную виллу в голливудском районе Беверли-Хиллс стоимостью в 1,2 миллиона марок; землевладение для лыжных прогулок в штате Колорадо — восемьдесят гектаров, включая аэродром; дом в Лубботе (штат Техас) ценой в полмиллиона марок; пай в консорциуме по реставрации района Кэнэлстрит в Новом Орлеане; в Нью-Йорке роскошная квартира, два жилых дома и 36-этажное деловое здание. Общая стоимость недвижимости в Нью-Йорке не менее шестидесяти миллионов марок.

Семейство Пехлеви владеет также туристскими пансионатами в Мексике, Италии, Испании и Федеративной Республике Германии. Три года назад мать шаха приобрела 26-комнатную виллу в Бад-Зодене. Во Франции еще в 1968 году шах купил за три миллиона марок «Виллу Сюрветта» на берегу Средиземного моря. Четыре года спустя он приобрел у французского чулочного короля Доре поместье «Шале Пассагэ» на французском берегу Женевского озера и затем прикупил соседние усадьбы. Новым местом приложения шахских капиталов становилась Франция. Только в Париже шах имеет недвижимости на шестьдесят миллионов марок.

Но видимое богатство — домовладения и усадьбы — лишь крохотная доля финансового состояния клана Пехлеви. О том, что запрятано в сейфах английских, швейцарских и американских банков в виде пакетов акций, облигаций, золотых слитков и произведений искусства, шах предпочитает не распространяться. До того как слететь с трона, он охотно признавал только одно: «Моя жизнь — сплошной чудесный сон».

САМЫЙ ЩЕДРЫЙ КЛИЕНТ

Джек АНДЕРСОН,
американский журналист

Из трясины событий с шахом Ирана, как пузырек, всплыл на поверхность такой удручающий вопрос: не использовал ли шах свои заработанные на нефти миллиарды для того, чтобы манипулировать американской политикой?

В кругах, близких к смещенному шаху, мне рассказали, что он обычно прибегал к скрытой раздаче взяток, подарков и вознаграждений самым различным людям и что его внешняя политика тоже строилась на подкупах, взятках и манипуляциях. В его списке кандидатов на подношение подарков числилась поразительная вереница видных американцев. Человек шаха в Вашингтоне Ардешир Захеди раздавал конверты, набитые деньгами, персидские ковры, дорогие ювелирные украшения, наручные часы, банки с икрой, бутылки шампанского и т. д. А для высших должностных лиц умели находить и более существенные приманки, на которые в числе других соблазнились:

Генри КИССИНДЖЕР, государственный секретарь США с 1973 по 1976 год.

Стремясь найти деньги для финансирования своей мечты об империи, шах способствовал астрономическому росту цен на нефть. И, как показывают совершенно секретные документы, именно Генри Киссинджер сумел добиться, чтобы на шаха не было оказано никакого давления. Так, при его потворстве и началось великое надувательство с ценами на нефть. Вскоре нефтяные миллиарды начали сыпаться в казну шаха, причем большая их доля проходила через банк «Чейз Манхэттен», управляемый Рокфеллерами. И вовсе не секрет, что выдвижение Киссинджера обеспечили именно Рокфеллеры.

Уильям РОДЖЕРС, государственный секретарь США с 1969 по 1973 год.

Уильям Роджерс был государственным секретарем в те времена, когда принималось решение превратить шаха в защитника американских интересов в районе Персидского залива. Роджерс стал принимать участие в вооружении шаха до зубов и усиленном захваливании его. Через три месяца после того, как Роджерс в конце 1973 года покинул государственный департамент, он оказался одним из директоров созданного шахом фонда Пехлеви. Юридическая фирма Роджерса имела шаха среди своих клиентов.

Ричард ХЕЛМС, посол США в Иране с 1973 по 1977 год.

Никакой американский посол не мог бы относиться к шаху с большей заботой, чем Ричард Хелмс. Будучи послом в Иране, Хелмс вел себя так, словно представлял интересы шаха, а не американского народа. Уйдя в отставку, он открыл в Вашингтоне консультационную фирму для оказания «посреднических услуг» иностранному бизнесу, заинтересованному в заключении сделок в Соединенных Штатах. Свою фирму он назвал «Сафир», что по-персидски означает «посол». Его самым щедрым клиентом стал шах Мохаммед Реза Пехлеви.

Джекоб ДЖАВИТС, сенатор США.

Джекоб Джавитс (республиканец от штата Нью-Йорк) — влиятельная фигура в сенатской комиссии по иностранным делам — стал одним из самых ревностных опекунов шаха в сенате. После того как новое революционное правительство Ирана сместило шаха и приговорило его к смерти, Джавитс помог протолкнуть через сенат резолюцию с нападками на этот смертный приговор.

В 1974 году жена этого сенатора Марион Джавитс потихоньку нанялась консультантом по связям с общественностью (при окладе в 67 500 долларов) в авиатранспортную компанию «Иран эйр». Конфиденциальные документы показывают, что советники шаха рассматривали ее назначение как прикрытие для закулисной деятельности в пользу иранского монарха.

ПАЛАЧ ЛЮБОМЛЯ КОВАЛЬЧУК, ГРАЖДАНИН США

«...Правительство Союза Советских Социалистических Республик исходит из того, что США как государство — член ООН... руководствуется в вопросах выдачи военных преступников нормами и принципами, признанными ООН, и обращается к правительству Соединенных Штатов Америки с просьбой выдать Ковальчука Сергея Дмитриевича советским властям для предания его суду за совершенные им на территории СССР тягчайшие преступления против человечества».

(Из ноты МИД СССР от 7 мая 1976 года)

РАССКАЗ СТАРШЕГО ПОМОЩНИКА ПРОКУРОРА ВОЛЫНСКОЙ ОБЛАСТИ СЕРГЕЯ ДЕНИСОВИЧА ГАВРИЛЮКА.

Я получил дело Ковальчука Сергея в свое производство в середине 1976 года. До меня делом занималось множество людей. Ими были найдены и предварительно допрошены более тридцати свидетелей. Ими делались запросы в различные архивы с целью

найти какие-то документы, где бы упоминалось имя Ковальчука.

Сразу скажу, что ни один из архивов, в которые обращались сотрудники следственных органов, не располагал какими-либо документальными материалами, касающимися Сергея Ковальчука. Не нашлось и трофейных документов, например, списков полицаев, сотрудничавших с немцами в так называемой украинской полиции, — ничего. Такое впечатление, что документы просто были уничтожены. Может быть, так и было.

Тогда вы спросите, откуда стало известно это имя — Сергей Ковальчук? Людская память не забыла палача. Нет никакого срока давности для памяти. Люди, пережившие страшное время, требуют отмщения жертв. Прошли уже десятилетия, но люди приходят к нам сами, чтобы рассказать о том, что видели собственными глазами. Поэтому свидетелей по делу Ковальчука было нетрудно найти. Другое дело — очевидцев, их остается все меньше и меньше...

Сергей Денисович Гаврилюк столкнулся с фашизмом впервые как солдат. В сорок первом в Воронеже с вокзала из эшелона с эвакуированными он пришел в местный военкомат, и здесь наконец удовлетворили его настоятельную просьбу об отправке его на фронт. Молодому Гаврилюку, бывшему секретарю районной прокуратуры, казалось, что именно у него есть особые основания идти на фронт добровольцем — его родные места, Волынь, были оккупированы фашистами в первые дни войны. И Гаврилюк не знал, но мог предполагать, как страшно для людей жить на оккупированной земле. Он хотел поскорее освободить землю от фашистов.

«...ПОСОЛЬСТВУ ПОРУЧЕНО СООБЩИТЬ МИНИСТЕРСТВУ, ЧТО ВВИДУ ОТСУТСТВИЯ МЕЖДУ США И СССР ДОГОВОРА О ВЫДАЧЕ ПРЕСТУПНИКОВ НИКАКОЙ АМЕРИКАНСКИЙ ГРАЖДАНИН ИЛИ ЛИЦО, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩЕЕ В США, НЕ МОГУТ БЫТЬ ВЫДАНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ США СОВЕТСКИМ ВЛАСТЯМ НА ОСНОВАНИИ ТАКОЙ ПРОСЬБЫ...»

(Из ответной ноты Посольства США в СССР от 13 мая 1976 года)

Старший сержант Гаврилюк от пули не бегал, но пуля миновала его. От Воронежа он дошел до Праги. Лишь однажды его сильно контузило в ожесточенном бою. Но он отлежался в полевом госпитале и вновь ушел в бой. Он освобождал родную землю — Россию, Белоруссию, Украину — в составе частей Советской Армии, и он знал, что кто-то освободил и его родное село, и, может быть, в этом бою за совсем незнакомый населенный пункт погиб...

В страшных боях за Будапешт Гаврилюк бился за каждый дом, за каждый подъезд, за чью-то незнакомую ему родину, и рядом были в бою его боевые товарищи родом из других, уже отдаленных отсюда мест, и они погибали за чужую родину, чтобы никогда уже не ступила нога фашиста на эту землю, чтобы никогда оккупант не прошел по этой земле как хозяин, как безнаказанный завоеватель.

На войне Гаврилюк не знал, что стало с его родными. Лишь после войны он узнал в подробностях, как был убит его отец.

— Мне сказали, что отец просто пропал. Но люди нашлись, которые видели, как отца, избитого, фашисты водили по улицам, показывали, что будет с каждым коммунистом. Мой отец вступил в партию еще тогда, когда она называлась КПЗУ — Коммунистическая партия Западной Украины. Он был подпольщиком при панской Польше. Помню, как однажды, в детстве, я нашел дома листовки, выпущенные подпольщиками, и понял, что отец человек, неравнодушный к тому, что происходит у нас. И вот, едва началась война, едва фашисты заняли наше село, отыскались предатели, скрытые раньше враги, и выдали отца фашистам. Я думаю, как жили эти предатели раньше, как тщательно скрывали они свое лицо, свою звериную ненависть к Советской власти. Во время панской Польши они, видимо, были конфидентами — доносчиками, а когда пришла Советская власть, окопались, решили дождаться «лучших времен» — и вот эти проклятые времена наступили.

На войне Гаврилюк понимал историю как солдат, просто. Он не был историком войны, не изучал ее по датам — историю освобождения он творил собственными руками, сжимавшими автомат, он даты поражений и побед проходил жизнью день за днем, пункт за пунктом, набирая в память всю историю как свою жизнь. В советских селах, где они проходили с боями, он узнавал не из рассказов — видел сам, как зверствовали тут фашисты, видел сожженные эти села. Он видел своими глазами солдата, что война сожгла и смяла все мирное и счастливое житье людей, и теперь у них жизнь по-прежнему не пойдет, не может пойти как прежде, потому что сколько бы ни прошло времени после войны, война останется в каждом доме, в каждой семье незабываемым, непроходящим горем. И как солдат, он знал теперь твердо, что война для него кончится только полным поражением фашистов, полной его, мирного солдата, победой, окончательным уничтожением врага. Как солдат, привыкший видеть врага так же близко, как и смерть, Гаврилюк верил, что фашизму придет конец.

— Война для вас кончилась с Днем Победы?

— Я был демобилизован в сорок шестом году. В том же году я получил из дому известие. Бандиты из числа бывших пособников фашистов, бывшие полицаи, собранные в так называемую «украинскую повстанческую армию», убили в моем родном доме мою мать. Они убили ее за то, что мой отец, расстрелянный немцами, был коммунистом. Понятно, что с фронта я пошел на фронт.

Бывший солдат, победивший фашистов и прогнавший их с родной земли, снова принял бой. Пять лет районный прокурор Гаврилюк не снимал с плеча автомат. И он снял его и сдал как ненужное в мирное время оружие только тогда, когда последний бандит был уничтожен и больше не было угрозы мирной жизни. Мстил ли он? Как юрист, как человек, знающий историю войны, он теперь понимал, что ненаказанный убийца опасен. После войны ему пришлось вести дела бывших полицаев. Проходили годы, а советник юстиции Гаврилюк все изучал войну — свидетели проходили перед ним. И перед ними, свидетелями, он, прокурор, был отчетен: он был в долгу перед людьми, он был обя-

зан найти каждого преступника и предъявить ему обвинение в преступлении против мира и народа, и от имени народа он имел право требовать самого сурового наказания преступников.

В этом он видел свой долг.

Через тридцать лет он снова получил в свое производство дело такого преступника. Когда он приступил к нему, он увидел, что «с этого дела и по сей день капает кровь».

— Я выехал в город Любомль. Именно там во время войны проходили события, описанные свидетелями. Там я заново опросил свидетелей. Теперь очевидцев событий по делу проходило восемнадцать. К этому времени уже было известно точно, где скрывается бывший полицай, заместитель коменданта любомльской полиции Ковальчук. Был известен его точный домашний адрес. Моя задача казалась простой — в свидетельских показаниях найти основания, достаточные для того, чтобы Прокуратура СССР могла возбудить дело о выдаче бывшего палача Ковальчука органам советского правосудия. При этом я, конечно, должен был руководствоваться принципами работы следователя — не допускать, чтобы мое личное отношение к обвиняемому повлияло на ход расследования.

Гаврилюк выполнил свой долг. Его личное отношение к обвиняемому не влияло на ход расследования. Тщательно он провел каждый допрос. Каждый разговор с человеком, видевшим страшное и пережившим страшное, стоил ему как человеку, тоже пережившему войну, много сил.

— Люди, с которыми я разговаривал, меня поразили. Многие из них во время оккупации нашли в себе мужество бороться. Они расклеивали листовки, призывающие бороться с фашистами, при этом отлично понимая, что это может стоить им жизни. Один из свидетелей, чудом избежавший смерти, добрался до партизан и партизанил до прихода советских войск. Люди не просто ждали спасения, которое пришло на их землю в сорок четвертом, а приближали этот час всеми силами. Известны ли имена тех, кто погиб в этой борьбе? Надо, чтобы были известны все имена. Но необходимо еще большее мужество, чтобы теперь, когда война уже далеко, вновь вспоминать ее не день за днем, а минута за минутой, вспоминать все, что может помочь разыскать и привлечь к суду убийц. Как рассказывали мне люди о Ковальчуке? Спокойно. Нужно прочесть их свидетельства, чтобы понять, как далось им спокойствие, с каким они рассказывали о событиях оккупации.

В деле, которое вел старший помощник прокурора, протоколы допросов и двенадцать фотографий. Пересказать свидетельства, так же как и описать фотографии, невозможно. На фотографиях — огромная могила. Сотрудники следствия предприняли раскопки в районе, указанном свидетелями по делу Ковальчука. В районе бывшего кирпичного завода было обнаружено массовое захоронение. Что может служить бóльшим доказательством факта, утверждаемого очевидцами: в октябре 1942 года здесь было расстреляно около пяти тысяч мирных жителей города и близлежащих сел... Фотографии подтверждают: людей расстреливали выстрелами в затылок...

Вот документы.

«Ковальчука Сергея я знал хорошо. Вместе с ним учился в школе, только он в старших классах. Ковальчук высокого роста, стройный, имел черные волосы, которые зачесывал назад. Я подчеркиваю, что он принимал активное участие в массовом уничтожении людей. Я лично видел, как на площади было согнано несколько тысяч граждан. Среди полицейских ходил Ковальчук и давал им указания. Что там происходило дальше, я знаю по рассказам людей. В полиции Ковальчук служил весь период оккупации».

«Я утверждаю, что лично видел, как немцы вели этих людей в направлении села Борки к кирпичному заводу. Вместе с немцами колонну охраняли и полицейские во главе с комендантом любомльской полиции Приказюком и его заместителем Ковальчуком. После того как колонны обреченных на смерть были отконвоированы к месту расстрела, на улицах Любомля лежало много трупов.

При встрече с Ковальчуком я узнал бы его безошибочно».

«Я увидел, что четыре немца и семь полицейских во главе с Ковальчуком вели под конвоем пять или шесть человек арестованных. Среди арестованных был советский активист, бывший работник райотдела милиции Федор Лонюк. Их повели к стрелецкому тиру, построенному еще во времена панской Польши. Выстрелы мы слышали именно в том месте. Так погиб Федор Лонюк и другие товарищи».

«В 1941—1942 годах я проживал в городе Любомле. Как только фашисты оккупировали нашу местность [1], они сразу же создали Любомльскую районную полицию во главе с комендантом Приказюком Иосифом и его заместителем Ковальчуком Сергеем. Ковальчука Сергея я впервые увидел осенью 1941 года. Ковальчук вместе с группой полицейских ворвался в мою квартиру, начал грабить мое имущество, арестовал.

В полиции мы были допрошены и подвергнуты жестоким истязаниям. После этого я был отправлен в гетто.

В конце лета 1942 года полицейские выгоняли людей в район кирпичного завода для копки ям. Был распространен слух, что эти ямы необходимы для нужд кирпичного завода. ...Спаслись немногие. Я спрятался в погребе. Скрывался в разных местах, а затем был в партизанском отряде».

«Я видел следующее. Во время конвоирования людей Ковальчук на повороте с улицы Куснищенской (ныне улица Красной Армии) на улицу Борковскую (ныне улица Пограничников) застрелил из пистолета двух обессилевших жителей города — мужчину и женщину преклонного возраста. Помню это место хорошо и могу показать. Отец мой был расстрелян в июле 1943 года на улице Садовой».

«Ковальчука я знал еще до войны. Когда он стал заместителем коменданта полиции, ему было 20—22. Ковальчук ходил в полицейской форме с пистолетом, всегда имел при себе плетку. Всем жителям Любомля известно, что Ковальчук отличался особенной жестокостью. В начале октября он арестовал меня, хотел узнать, кто из жителей Любомля распространяет листовки с призывами вести борьбу с фашистами и полицейскими. Хотя эти листовки по заданию подпольной группы были расклеены мной лично, я не отвечал Ковальчуку. Меня били ногами. Особенно издевался Ковальчук. Я никого не выдал, считая, что лучше умереть, чем стать

---

[1] *Любомльский район Волынской области был оккупирован 25 июня 1941 года.*

на стр. 28 ▶

И ТОГДА— ЧАО, ПАРИЖ!

В. ПАННО,
американский журналист

— Да выключите эту мерзость! Себя не слышно! — кричу я официанту, чувствуя, что от грохота из динамика у меня вот-вот лопнут перепонки.

По площади тоскливо бродят солдаты. Бог мой, что за пытка. Само убожество не может быть таким убогим. Хотя, конечно, по сравнению с трущобами Чикаго, мусором Кингстона или людскими муравейниками Порт-о-Пренса все эти домишки, прильнувшие к грязной воде реки, еще ничего. В них есть шарм. Лачуги кое-как подпирают друг друга. Детишки поднимают пыль теннисными кедами. Лениво проезжают несколько японских «тойот», не нарушая общего оцепенения. Ходить надо с оглядкой, а то перезрелое манго-камикадзе вполне может угодить по голове. Трущобы-сад. Если б не солдаты...

Громкоговорители на столбах изрыгают песни-оды генералу Альфредо Стресснеру. Похоже, вся мощь страны сосредоточена в громкоговорителях. Программу ведет местный диск-жокей — истеричный Карузо с легкими, как кузнечные мехи. Он начинает с вопля, орет все громче, все быстрее, затем верхнее ля, затем верхнее си — и взрыв, восторг, молчание.

Весь город заклеен плакатами с одним и тем же ликом: развратник, чья плоть оплывает, как торт,

Т. ТОДМЭН, помощник госсекретаря США по латиноамериканским делам:
«СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НЕ МОГУТ ПОВЫШАТЬ ГОЛОС, НЕ УЗНАВ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВОЗМОЖНУЮ ОТВЕТНУЮ РЕАКЦИЮ...»
(Из разъяснения послам США в латиноамериканских странах, октябрь 1977 года)

забытый под дождем; торт украшен, словно цукатом, усиками. (На воспроизводимой нами фотографии Стресснер делает запись в книге почетных гостей Диснейленда в США. — Ред.)

Стресснер правил Парагваем всегда. Он правил страной задолго до того, как в ней появилось население. Он самый долгоправящий правитель в Латинской Америке. Он пришел к власти в 1954 году. Тогда нашим президентом был Эйзенхауэр. Другая эра. Как раз в позапрошлом феврале Стресснер начал очередной пятилетний срок президентства. Поправка к тому, что — в шутку, наверное, — именуется конституцией, позволяет ему приходить к власти каждые пять лет. При чрезвычайном положении конституция отменяется, а Стресснер наловчился объявлять чрезвычайное положение каждые три месяца. Парагвай отдан Стресснеру на милость.

Но милостивым его никак не назовешь. Стресснер так долго держится у власти только потому, что чуть заслышит робкий шепот недовольства — и недовольному конец. Ежели кто-нибудь внутри его собственной партии «Колорадо» захочет показать свою независимость, строптивцу тут же предлагают повышение по службе — где-нибудь в посольстве в другой стране. Это, конечно, большое везение. А то ведь и исчезнуть можно. Бесследно.

От опасности не убережен никто. Если официант подходит слишком близко к столику, едоки умолкают: кто ж его знает, официанта? Счет, грязные тарелки, пятое-десятое, а случайно сболтнешь лишнее, и вот уже готово дело о марксистской пропаганде. Убийцам в Департаменто де Инвестигасьонес и сплетни хватает. Соглядатаи все: продавцы в табачных лавках, чистильщики, школьники, таксисты, милая бабуля, что стирает белье...

В здании Инвестигасьонес огни не гаснут всю ночь. Проходя мимо, люди крестятся. Никто не знает,

сколько «нежелательных элементов» вошло сюда, чтобы уже никогда не выйти. Политических противников здесь не арестовывают. Их просто втаскивают в машину на улице, выволакивают ночью из постели — и все. Если родственникам взбредет пойти узнать, полиция отрицает факт ареста. Не было такого, говорят. Сколько человек на самом деле пали жертвами «пилеты» или «эль сардженто» — об этом знает только бог.

Ритуал «пилеты» заключается в том, что человека попеременно то бьют, то суют головой в чан с нечистотами. Еще один любимый метод встречи вновь прибывших — «пикана электрика», то есть электрошок. Популярны также «тейу ругуай» — ремень с металлическими шариками на конце, и «эль сардженто» — плетка-семихвостка. Плеть, висящая на стене Департаменто де Инвестигасьонес, имеет прозвище «национальная конституция». А теперь, когда Белый дом пустился на защиту прав человека во всем мире, «эль сардженто» дали новое имя «Джимми Картер».

По закону в Парагвае нет смертной казни. Стресснер в таком законе просто не нуждается. Когда он в очередной раз проводит кампанию чистки, и полиция в очередной раз забрасывает густую сеть, в очередной раз вытягивая тысячу-другую «нежелательных элементов», то некоторое время спустя их тела, связанные колючей проволокой, прибивают к аргентинскому берегу воды реки Парагвай.

Но если «нежелательный элемент» и предстает перед судом, то лучше бы ему никогда не выходить на свободу. Вспомним, к примеру, историю с доктором Мартинесом Яриэсом, лидером либерально-радикальной партии, редактором газеты «Эль Радикал». В июне 1975 года в его газете был опубликован репортаж о ночном нападении полиции на группу крестьян в районе Иху. Такие рейды — дело обычное, их предпринимают либо просто так, для устрашения,

либо для того, чтобы согнать жителей с насиженных мест и потом быстренько перепродать опустевшие земли прытким иностранцам. Репортаж в «Эль Радикал» содержал документы, фотографии и свидетельства двухсот крестьян, пострадавших в результате одной такой операции. Начальник местной полиции обвинил Яриэса в клевете. Один из фермеров, Доротео Брандель, отправился в Асунсьон дать показания в защиту доктора Яриэса. В мае семьдесят шестого Брандель исчез. Спустя два года Бранделя освободили, а еще через месяц он был убит. Доктора Мартинеса Яриэса приговорили к двум с половиной годам заключения.

Как-то в начале шестидесятых годов доведенные до отчаяния крестьяне напали на местный полицейский участок, где сидели их односельчане. Полиция окружила их и... Есть специальные машины для дробления сахарного тростника. Гигантские челюсти стальными зубами перетирают тростник в однородную массу. Полицейские хватали восставших и засовывали их в машину. Четырнадцать человек...

Если верить официальным данным, то можно подумать, что в этой стране живут одни модницы и алкоголики: Парагвай ввозит губной помады и теней для век больше, чем потребляют Франция и Швейцария, вместе взятые, а каждый житель, включая женщин, стариков и младенцев, выпивает по ящику шотландского виски в день.

Объяснение просто. Основная отрасль экономики стресснеровского Парагвая — контрабанда. Виски и сигареты, японские фотоаппараты и магнитофоны ввозятся в страну, а потом генерал Андрес Родригес и прочие генералы переправляют товар в соседние страны — плата наличными. Считают, что контрабанда приносит 250 миллионов долларов в год.

Стресснер называет эти доллары «платой за мир». Мелкие офицеры живут, как шейхи: покупают по два «мерседеса» в год при весьма скромном окладе. А генералы, которые получают львиную долю прибылей, слишком богаты, чтобы вообще о чем-либо думать. Стресснер и сам один из самых богатых людей в мире: его состояние оценивается в 700 миллионов долларов. Не только поощряя разнузданную коррупцию, но даже возводя ее в ранг государственной политики, Стресснер гарантирует себе послушание правящей верхушки и соратников по «Колорадо». Все укладывается в классическую формулу полицейского государства: тех, кого не можем купить, запугиваем; кого не можем запугать, окружаем купленными.

...Этого индейца мы встретили по дороге в Энкарнасьон. Пытались заговорить, но он по-испански ни слова. Говорил только по-немецки.

Ахтунг! Добро пожаловать в Нуэва Баварию! На востоке страны, под Энкарнасьоном, разлегся «третий рейх». Он здесь как дома. Под пальмами красуются грузные баварские виллы с черепичными крышами. В послевоенной Баварии были запрещены традиционные летние баварские празднества фашистов. В Парагвае они процветают. Отель «Тироль» в Гогенау скопирован с открытки, изображающей Гогензальцбург. А в пивных стучат кружками и поют «йодли».

Именно в Гогенау нашел убежище Йозеф Менгеле, доктор-садист из Освенцима. Он жил на чистенькой, беленькой ферме Албана Кругга. Израильтяне знали, что он там. Ферма Кругга стала прибежищем для нацистов, и Менгеле, конечно, был среди них почетным гражданином. Ферма крепко охранялась вооруженными головорезами и, по доброй нацистской традиции, рычащими доберман-пинчерами. Единственное, что можно было сделать, — разбомбить ферму. Но израильтяне вовсе не желают ссориться со Стресснером — им нужен его голос в ООН. Более того, они деловые партнеры: большинство винтовок на улицах Асунсьона израильского производства.

Так что Парагвай остается надежным прибежищем для худших на земле людей. Недавно в страну прибыл еще один закадычный приятель — Анастасио Сомоса Дебайле (бежавшего в США и переправленного в Парагвай никарагуанского диктатора вы можете видеть на снимке, сделанном недавно в Асунсьоне. — Ред.). Здесь он что в доме родном: на одной из главных улиц Асунсьона стоит памятник его отцу.

Мессагранде и Орландо тоже, говорят, здесь. Эти два итальянских фашиста в 1969 году взорвали банк в Милане. При взрыве погибло шестнадцать человек. Ими руководила изящная идея: обвинить в покушении коммунистов. В 1974 году Мессагранде видели во время взрыва поезда под Болоньей — тогда погибло двенадцать пассажиров и сорок было ранено. В 1977 году Мессагранде и Орландо участвовали в знаменитом ограблении банка в Ницце, когда было украдено шесть миллионов долларов.

Но в этой стране богатым вопросов не задают. Цена, правда, высока. Парижский банкир Пьер Трэверс, похитивший тридцать миллионов долларов, заплатил за пребывание в Парагвае миллион. Ментону, бельгийскому банкиру, это стоит сто тысяч долларов в год. Австралийские мошенники Бартоны в конце концов были вынуждены вернуться на родину и предстать перед судом, ибо награбленное подходило к концу и они просто уже не могли себе позволить жить в раю. А ведь аферисты Бартоны сперли не один миллион!

Правда, в последнее время в поведении Стресснера стали появляться намеки на усталость от всех этих нацистов и Менгеле, в частности. Нет, нет, что вы — ничего личного: это все приятные ему люди. Он и сам из старой баварской семьи, и бывшие друзья фюрера — друзья дома. Ганс Рудель, знаменитый гитлеровский летчик, в позапрошлом году устроил шумное празднество в честь своего сотого визита в Парагвай. В начале семидесятых Менгеле был близким советником Стресснера. Ну а уж охрану дворца президента довели до нужной охранной кондиции бывшие эсэсовцы, которые рады были вновь заняться любимым делом. Но вот в позапрошлом году менгелевская история опять полезла наружу — все эти надоевшие слухи об освенцимских ужасах, все эти злобные россказни о том, что Менгеле-де вырезал глаза у мертвых и живых, хранил в банках в своей лаборатории, впрыскивал в них голубую краску, чтобы изменить цвет на арийский! Чушь, да и только! Но уж больно популярная чушь. Стресснер был в затруднении. Это, конечно, вопрос чести — не дозволить выставить Менгеле из страны. Но слишком кругом все шумели... И Парагвай был вынужден отказать Менгеле в гражданстве. То есть высылка стала теоретически возможной.

Только вот здесь незадача: Менгеле опять исчез! В стране столь маленькой, как Парагвай, слухи распространяются быстро, но на этот раз никто не мог сказать, где скрывается Менгеле, — кроме его адвоката, только ведь это профессиональная тайна! В Асунсьоне живет один старый нацист, Энрике Мюллер, так вот он утверждает, что раз в месяц играет с Менгеле в карты. Но ЦРУ считает, что Менгеле в Парагвае нет. И баста!

У американского посла Боба Уайта безупречные зубы, но, когда он растягивает губы и издает короткий сухой смешок, это более походит на ухмылку, чем на выражение неодобрения. Парагвай его

первый посольский пост. Не Париж, конечно, но для начала... Это означает, что его вынули из стерилизатора (так в госдепартаменте называют Организацию американских государств, где Уайт влачил ленивые годы). Итак, Боб Уайт совершил рискованный прыжок и вырвался из стерилизатора на пост, расположенный между черным болотом и зыбучими песками. Теперь от него зависит, как он сумеет удержаться.

До прихода Картера Стресснер знал, как себя вести. Чтобы обеспечить себе безоговорочную поддержку США, ему хватало заверений в том, что он будет истреблять коммунизм, как раковую опухоль. И неважно было при этом, что Стресснер правил Парагваем как большим концентрационным лагерем. Заявления о преданности США ему достаточно было подписывать кровью тех, кого он подозревал в симпатиях к коммунизму. Никого не волновало, что он убийца.

При Картере Стресснер вдруг почувствовал легкий сквознячок. И всё эти чертовы разглагольствования о правах человека! Книжная политика, но Боб Уайт должен ее поддерживать. Он в состоянии понять смятение, порождаемое новыми веяниями. «До некоторой степени я понимаю Стресснера, — говорит Боб Уайт. — Он все твердит: «Мы же делаем то, что вы всегда от нас требовали!»

Спасибо огромное! Парагвай послал войска в Доминиканскую Республику, когда наша морская пехота усмиряла в 1965 году Санто Доминго (на снимке — вид этого города с нацеленным на него автоматом американского солдата. — Ред.). Стресснер предложил нам батальон для Южного Вьетнама. А сейчас ему приходится иметь дела с Бобом Уайтом, который уговаривал госдепартамент прекратить военную помощь Парагваю и приостановить займы, пока сенат США решит, отвечает ли Парагвай новым критериям, согласно которым стоит давать помощь, и на какие нужды эту помощь лучше давать. Но чтобы убедить сенат, требуется время. А пока к посольству США в Асунсьоне явились некие люди и прокричали, что Уайт коммунистический агент. Более того, по совету все того же энергичного Ганса Руделя был расторгнут контракт на 800 миллионов долларов, по которому США должны были поставить турбогенераторы для строящейся гидроэнергетической системы Итайпу. И Уайт получил от Вашингтона суровую взбучку.

Теперь официально считается, что в парагвайских тюрьмах содержится не более дюжины заключенных. В посольстве США полагают, что пытки применяют реже. Стресснер согласился отменить чрезвычайное положение в сельской местности. Но любой человек, арестованный в сельской местности, может быть привезен в Асунсьон, где чрезвычайное положение по-прежнему в силе.

Стресснер даже был вынужден вытерпеть первый в Парагвае конгресс по правам человека. Это имело исторические последствия, свидетелем которых стал весь Асунсьон: архиепископ снизошел до благословения Стресснера во время торжественной мессы — в последние десять лет он демонстративно избегал этого. Стресснер скрипнул зубными протезами.

Боб Уайт мог быть доволен, но история с турбогенераторами означала потерю 800 миллионов долларов, и как-то не было заметно, чтоб в Вашингтоне политики отпихивали друг друга локтями, дабы первыми подбежать к Уайту и одобрительно похлопать его по плечу. Как раз наоборот: в нашей столице нашлось немало сердитых членов правительства, которые считают, что права человека — это, конечно, очень мило, но прибыли все же важнее. Эти члены правительства считают, что Уайту лучше бы ходить на коктейли к швейцарскому послу и держать язык за зубами, а то ведь недолго опять угодить в стерилизатор. И тогда — чао, Париж!

«Могу я чем-нибудь помочь?»

Где я уже слышал эту фразу? Или читал? Не в книжке ли Грэма Грина «Путешествия с моей тетушкой» — там, где он описывает, как герой плывет по реке Парагвай и к нему во время легкого лингвистического недоразумения подходит высокий, сухощавый, меланхоличный американец в твидовом пиджаке. «Могу я чем-нибудь помочь?» В книжке его зовут О'Тул. Он говорит, что работает в госдепе, а на самом деле, конечно, в ЦРУ.

У собора, в котором проходила торжественная месса в честь закрытия конгресса по правам человека, легкое лингвистическое недоразумение случилось и со мной. И я услыхал: «Могу я чем-нибудь помочь?»

Боб Патерсон. Высокий, сухощавый, меланхоличный американец в отлично сшитом габардиновом костюме (по нынешней моде). Говорит, что из госдепа. (Боб Патерсон, разумеется, не настоящее его имя, впрочем, О'Тул тоже.)

В случае, если вам покажется, что эта встреча — чистое совпадение, спешу сообщить, что Боб находится в городе в инспекторской поездке. Он только что прибыл из Лагоса, в Лагос — из Риада, а в Риад — из Монровии. Другими словами, он не из тех, кто спьяну крадет бумаги из стола. Он человек дела, он общается с президентами. Но к Асунсьону у него интерес особый. У него здесь несколько старых подружек. Парагвай — его первый пост. Десять-пятнадцать лет назад он работал здесь при посольстве и знает страну вдоль и поперек. Последний писатель, с которым он ездил по стране, был не кто иной, как Грэм Грин.

Мы приглашены на вечер в честь второй годовщины очередного вступления президента на пост. Все «Колорадо» здесь. Новые деньги. Вставные зубы и бриллианты сияют. Лакеи разносят виски и подносы с маленькими штучками, начиненными перцем, которые взрываются в глотке, как гранаты. Все как на любом коктейле, где собираются привилегированные, чтобы наслаждаться своими привилегиями. За исключением того, что для Асунсьона богатый средний класс — новинка. Блестящие пижоны в смокингах и галстуках-бабочках, прибывшие на «мерседесах», — порождение «Колорадо».

Парагвай лихорадит: «благоприятный климат» (как застенчиво выражается правительство) привлекает в страну капиталовложения из США, Западной Германии и Израиля, не говоря уже о таких славных полицейских государствах, как ЮАР, Южная Корея и Тайвань. Дня не проходит, чтобы в газетах не появилась фотография Стресснера с сияющим оскалом на церемонии разрезания очередной ленточки или закладки очередного камня. Ему нравятся такие церемонии. Они напоминают ему королевские выходы. Около трех сотен ассистентов высылаются вперед, дабы подмести улицу и расстелить ковер. Красота! В последнее время у него не остается времени ни на что другое. Правда, есть надежда, что, если строительство и впредь будет вестись такими темпами, он просто не выдержит.

Вы морщитесь, глядя на Асунсьон, он оскорбляет глаз: пара мощеных улиц, и те все в рытвинах, на улицах полно нищих-калек, в вестибюле гостиницы играют в шахматы два бравых бывших обер-лейтенанта. Но это не все. Улицы забиты «мерседесами» и БМВ, на площади Героев высятся новые здания банков — «Сити-бэнк», «Ройял Бэнк оф Кэнада», «Бэнк оф Лондон», «Бэнк оф Америка». Магазины забиты «никонами», «сони» и туалетами от Сен-Лорэ.

Проблема Стресснера состоит в том, что он не знает, как вести себя в новой ситуации. Кстати, шах стоял перед той же проблемой...

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

со стр. 23 ▼

предателем. В марте 1943 года меня отправили в концлагеря — сначала в Майданек, потом в Освенцим. Освободили меня из немецкого рабства войска Советской Армии в марте 1945 года».

«Я увидел жуткое зрелище. Маленьких детей родители вели за руку, а грудных несли на руках. Все плакали, просили о пощаде. Немцы кидали грудных детей живыми на трупы. Загоняли по нескольку человек в яму и убивали выстрелами в затылок. На немцах, которые стреляли в людей, сверху одежды были желтые фартуки. Сквозь землю, которой были засыпаны ямы, еще долго сочилась кровь».

«Осенью 1942 года старостой сельуправы в числе других односельчан я был направлен в район кирпичного завода. Немцы приказали подчистить одну из двух больших ям, расположенных в глиняном карьере. Яма была длиной приблизительно 25 метров, шириной 5, глубиной 3 метра. Вторая яма еще длиннее. Для входа в яму имелись ступеньки.

...Здесь началось самое страшное. Перед тем как расстрелять, немцы и полицейские принуждали людей сдавать все ценные вещи и затем раздеваться. В яме стоял немец, который заставлял людей ложиться в яму лицом вниз. После окончания расстрела нам было приказано трупы засыпать землей. Я увидел немца, который вылез из ямы. В руках у него был автомат, передник на нем был весь забрызган кровью. Он снял его и бросил возле ямы. Во время расстрела мы сидели за скирдой и все видели. Полицейские забрали всю одежду расстрелянных и уехали».

«Всем было ясно, что пришел час смерти. Мне удалось убежать, но спустя несколько дней меня задержали. Ковальчук несколько раз приходил к нам, приказывал класть ценности на стол. Я спряталась в выгребной яме туалета, а все остальные были отправлены на расстрел. Ночью я выбралась и убежала в село Куснице, там пряталась до прихода Советской Армии. Что случилось там, знаю по рассказам».

«Я видел, как Ковальчук спускался в яму и там из пистолета расстреливал. Полицейские, следуя его примеру, тоже стреляли».

«Хочу дополнить, что с 1942 года Ковальчук носил какую-то немецкую медаль. Говорили, что немцы наградили его за участие в облавах на партизан».

Девять дней подряд слушал помощник прокурора Гаврилюк рассказы свидетелей. Сорок один час ровно чистого времени допросов.

— Вам предъявляется фотокарточка размером 15×10,5 см, на которой изображен портрет мужчины. На обратной стороне надпись: «На память найдорожчій мамі і папі від сина Сірожи. Філадельфія. 15 червня 1951 р.».

— На предъявленной мне фотокарточке изображен мой родной брат Ковальчук Сергей Дмитриевич.

Итак, помощник прокурора, человек, по опыту жизни и по опыту профессиональному знающий, что такое война и как опасен преступник, скрывающийся от правосудия, опять выполнил свой долг. Это был его долг гражданина и юриста. Он собрал доказательства вины полицая и предателя и мог доказать, пользуясь законами, как велика вина преступника. Гаврилюк вправе требовать суда. Он имеет полное право встретиться лицом к лицу с врагом.

Три года Гаврилюк ждал выполнения своего требования. Он знал, что документы, собранные им, предъявлены судебным органам США. Три года он ждал, пока эти документы будут наконец рассмотрены и Прокуратуре СССР будет дан ответ.

Но в ответ прибыла группа американских юристов.

— Американцы, очевидно, решили сами проверить показания свидетелей и остальные документы. Что же, это было их право. Хотя юридически дело слишком ясно и вряд ли допускает различные толкования. Мы вызвали свидетелей и сделали все, чтобы юристы работали в наилучшей обстановке. К этому времени, правда, по делу могло пройти всего десять свидетелей... Я снова стал расспрашивать людей о том, что они помнят, и они полностью подтвердили свои прежние показания. Все они вновь заявили, что узнают Ковальчука в лицо, сколько бы лет ни прошло.

— Какое мнение у вас сложилось об американских юристах?

— Внешне они держались очень доброжелательно. Задавали свои вопросы свидетелям. Конечно, у них была и специальная задача — выяснить, действительно ли местные жители, очевидцы оккупации, предстали перед ними. Это тоже можно понять. То есть это их право, а моей обязанностью было помочь им.

Из стенограммы допросов свидетелей.

Вопросы Рилея, прокурора штата Пенсильвания.
— Кто вас арестовал?
— Ковальчук.
— Кто выдал ему ордер на ваш арест?
— Никакого ордера я не видел.
Вопросы Гаврилюка.
— Кто отправил вас в тюрьму?
— Ковальчук.
— Вы были в концлагерях?
— Да.
— Вам выкололи номер узника?
— Да.
— Вы помните этот номер?
— Он и сейчас у меня есть.
— Вы помните ваш номер?
— Мой номер 183066.

Юристы из США пробыли в Волынской прокуратуре несколько дней. Они получили протоколы допросов свидетелей.

В заключительной беседе возглавлявший американских юристов Мартин Мендельсон[1] высказал удовлетворение результатами работы по делу Ковальчука и сказал, что дальнейшее решение зависит от судебных органов США.

С тех пор прошел год, но ничего конкретного в Волынскую прокуратуру больше не поступало. Видимо, палач Ковальчук по-прежнему продолжает спокойно жить в штате Пенсильвания, город Филадельфия, 67-я авеню, дом 244.

Нина ЧУГУНОВА,
наш спец. корр.

---

[1] *В газете «Нью-Йорк таймс» от 6 января 1980 года была опубликована информация, в которой сообщалось об отставке М. Мендельсона с поста заместителя директора отдела специальных расследований министерства юстиции США. — Примеч. ред.*

«МОЛОДЕЖЬ АМЕРИКИ НЕ С ВАМИ, Г-Н ПРЕЗИДЕНТ!»

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ 40-ТЫСЯЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В ВАШИНГТОНЕ 22 МАРТА 1980 ГОДА

Бен ЧЕЙВИС, лидер «уилмингтонской десятки», священник:

«Проблема мира — самый важный вопрос восьмидесятых годов. Для американцев борьба за мир неразрывно связана с борьбой против расистского угнетения черных, латиноамериканцев и других бедствующих национальных меньшинств в США. Наше место не в американской армии, которая защищает интересы империалистов, а среди борцов за подлинную свободу здесь, в Америке, среди тех, кто требует прекращения грабежа народов Азии, Африки, Латинской Америки. Мы заявляем Картеру, что не будем участвовать в его войнах».

Кевин ЛИНЧ, профсоюзный деятель из Нью-Йорка:

«Наращивание военных расходов ведет к обеднению страны, к тому, что США уподобятся тем странам, режимы которых угнетают собственные народы и громят его профсоюзы. Взгляните на Чили! Это США привели там к власти позорный режим, и сейчас чилийцы откапывают в шахтах трупы профсоюзных активистов. Монополии, которым служит наше правительство, считают чуть ли не весь мир своей собственностью. «Корпус быстрого реагирования» для того и создается, чтобы обеспечить их господство, утопить в крови борьбу народов за независимость».

Студент из Детройта:

«Если бы не диверсии ЦРУ в Афганистане, у правительства этой страны не было бы причины обращаться за помощью к Советскому Союзу. Вы посмотрите, что произошло в Чили. Неужели Советский Союз допустил бы, чтобы у его границы появилась новая Чили?»

Аида САНЧЕС, представитель организации Коалиция за мир без ядерного оружия:

«Картер и Бжезинский готовы совершать нашими руками убийства в дальних краях. Надо сделать так, чтобы они услышали наш голос, ибо мы, народ, — совесть Америки. «Нет!» — новым военным авантюрам за рубежом, на которых жиреет военно-промышленный комплекс! Надо остановить милитаристов!»

Дэвид ХАРРИС, активист антивоенного движения:

«Администрация Картера своими воинственными действиями поставила под угрозу международный мир. «Доктрина Картера» объявляет отстоящие от США на одиннадцать тысяч миль земли американской вотчиной, не считаясь с волей населяющих их народов. Ради этого Белый дом готов послать на смерть американскую молодежь. Но наш враг — у нас дома. Почему в стране миллионы безработных, бедняков, почему людям негде жить и нечего есть, почему инфляция в 20 процентов отнимает у них все?»

Патрик ЛЕЙСФИЛД, координатор демонстрации:

«Народ совершенно определенно выступает против милитаризма, который пытаются выдать за некое американское волеизъявление. Как легко Вашингтон бросается фразами: «Американцы считают», «Американцы поддерживают», «Американцы не поддерживают». Ничто так не далеко от правды, как ссылки на «мнение американцев», которым оправдывают милитаристский курс».

Дуэн ПЭНК, представитель Комитета борьбы против «доктрины Картера»:

«Наша сегодняшняя демонстрация — отнюдь не кульминация, а начало массового антивоенного движения восьмидесятых годов. Молодежь Америки не с вами, г-н президент!»

НАШ ОТВЕТ ТАНДЕМУ КАРТЕР — МОНОПОЛИИ

Джеймс СТИЛ,
национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение (СМРО)

Десятилетний опыт нашего союза с предельной убедительностью говорит о том, что СМРО может и будет идти в авангарде молодежного и студенческого движения. И поможет ему в грядущем десятилетии ответить на брошенный противником вызов.

В чем заключается этот вызов? В заговоре тандема Картер — монополии, цель которого: повернуть часы истории вспять, к «холодной войне»; к временам Великой депрессии; к временам, когда у чернокожего не было никаких прав; когда молодежь только видели, но не слышали.

Наша главная забота — отразить этот вызов. Мы должны помочь молодежи восьмидесятых годов создать собственную историю: как это сделала молодежь семидесятых, выступив против войны во Вьетнаме, развязанной нашим правительством; как это сделала молодежь шестидесятых, поднявшись на борьбу за гражданские права; как это сделала молодежь пятидесятых, воспротивившись попыткам маккартизма (то есть сил крайней реакции во главе с сенатором Маккарти. — Ред.) превратить ее в «молчаливое поколение»; как это сделала молодежь тридцатых и сороковых, развернув организованное движение и включившись в борьбу с фашизмом.

Миллионы молодых людей задаются вопросом: зачем учиться, зачем готовиться к самостоятельной жизни, если нас все равно пошлют неизвестно куда воевать и погибать? Такова та «жертва», которую президент просит от молодежи. Пытаясь придать этой «жертве» привлекательный вид, он обряжает ее в звездно-полосатые одежды патриотизма и рассуждает о необходимости защищать «структуру регионального сотрудничества». Но ничего патриотичного, ничего красно-бело-голубого (цвета флага США. — Ред.) в этих одеждах нет. Для миллионов юношей и девушек речь пойдет о серо-зеленом саване смерти, потому что народы Ближнего Востока и района Персидского залива не намерены сотрудничать с империалистической «структурой» новоявленного поборника «холодной войны».

В президентском послании «О положении страны», прочитанном в январе этого года, говорится, что нынешняя администрация «предложит молодежи новую надежду на работу и на лучшую жизнь в восьмидесятых годах». Лицемерие и демагогия! На военные цели в ближайшем финансовом году планируется отпустить более 160 миллиардов долларов. А сколько на программу создания новых рабочих мест и производственное обучение? Всего два миллиарда.

Американская молодежь начинает жить в новом десятилетии под грузом тех же проблем, которые давили на нее в семидесятых годах. Это национальный позор. Тот самый человек, который в 1976 году сулил «работу каждому американцу, желающему ее получить», теперь предлагает молодому поколению восьмидесятых годов «новую надежду» на работу. Но уж лучше никакой работы, чем та, которую навязывает самозваный мировой жандарм: обрушить канонаду на народы Персидского залива, борющиеся за подлинную независимость и социальный прогресс.

Повышая ассигнования на военные исследования на 36 процентов, президент просил конгресс увеличить расходы на образование всего на один миллиард долларов. С учетом инфляции федеральная помощь системе образования при таком ее «увеличении» на самом деле оказывается меньшей, чем была. Сокращены будут также расходы на помощь безработным, на здравоохранение, социальное обеспечение.

Бюджет, объявленный Картером, не предусматривает хотя бы минимальной поддержки рабочим, уже пострадавшим от закрытия заводов и сокращения рабочих мест, и тем, кто будет уволен из-за «легкого спада», ожидаемого в этом году. Обычно хозяева Белого дома, желающие остаться в прези-

---

Из доклада на национальной конференции СМРО, посвященной десятой годовщине этой марксистско-ленинской организации молодежи США. Конференция состоялась в феврале с. г.

дентском кресле на второй срок, в год выборов прибегают к дежурному трюку — снижают налоги. Нынешняя администрация не обещает даже этого.

Зато предсказывают, что уровень безработицы в нынешнем году составит 7,5 процента, а в 1981-м 7,3 процента. Это означает: 14—16 миллионов безработных, из них как минимум половина — молодежь. Как известно, конгресс не отменял закона Хэмфри — Хокинса, предусматривающего сокращение безработицы к 1983 году до четырех процентов, а к 1985-му — до трех. Картер же, открыто и грубо нарушая закон, объявил, что переносит эти сроки соответственно на 1985 и 1988 годы.

Безработица не единственная область, в которой новая доктрина перекрывает срок пребывания Картера у власти. Например, выступая перед бизнесменами в тот самый день, когда Белый дом заставил НАТО принять план размещения в Европе ядерных ракет среднего радиуса действия и крылатых ракет, президент заявил, что военные расходы США будут ежегодно возрастать по меньшей мере на 4,5 процента «на протяжении всех восьмидесятых годов и далее». В таком случае военная машина США поглотит за ближайшее десятилетие более трех триллионов долларов. Это на треть больше, чем все ассигнования на милитаризм США за последние тридцать лет.

Непохоже, чтобы подобное развитие событий обещало молодежи «новую надежду» на лучшую жизнь. Скорее оно рисует картину восьмидесятых годов как десятилетие безнадежности и неуверенности. Если все будет так, как запланировал Картер, то мы будем вспоминать нынешние мытарства молодежи как «старые добрые времена». «Работу» и «образование» получат только те, кто захочет принять предложение Пентагона потрудиться на благо многонациональных корпораций и империализма США: Пентагон их обует, оденет и накормит.

Американская молодежь не может принести «жертву», которой от нее требует президент. Мы не можем пожертвовать нашими надеждами и чаяниями, нашими талантами и убеждениями ради доктрины военных приготовлений и провокаций.

Картер твердит о «советской угрозе», но настоящая опасность исходит именно от его действий. Все на свете имеет свою логику. «Доктрина Картера» построена на логике войны. Послание «О положении страны» и все последующие действия президента основаны на лжи и демагогии. Все его высказывания от первого до последнего слова — это безрассудное бряцание оружием. Он готов на что угодно, лишь бы добиться переизбрания на пост президента. Уже по одной этой причине надо нанести ему поражение.

Руководить страной потруднее, чем делать бизнес на арахисе [1]. Должно быть, скорлупка не выдержала. Во всяком случае, действия нынешней администрации заставляют сильно усомниться в ее здравомыслии. Упражнения в антисоветизме довели ее до синдрома Джимми Джоунса [2]. Ее политический курс — прямая дорога к самоубийству. Фанатические призывы Картера и Бжезинского к «сдерживанию» и «отбрасыванию» в духе «холодной войны», к жертвам во имя отражения пресловутой «советской угрозы» чреваты для нашей страны и ее молодежи если не ядерным всесожжением, то новым Вьетнамом.

Ради отражения «советской угрозы» страну толкают на любые безрассудные, безответственные действия, на любые затраты. Фермеры должны пожертвовать рынком сбыта своей продукции. Спортсмены должны пожертвовать Олимпийскими играми. Рабочие — американо-советской торговлей, благодаря которой увеличилось число рабочих мест в США. Народ должен пожертвовать культурными связями и сотрудничеством в поисках методов лечения рака, сердечно-сосудистых заболеваний и диабета. И все потому, что СССР отказывается принять неприемлемое: окружение его территории американскими базами и американское военное превосходство. Все потому, что СССР, в отличие от маоистского руководства Пекина, не желает «играть в карты» с империализмом, поступаться принципом поддержки национально-освободительного движения в обмен на картежную игру в поддавки с капиталистическими акулами.

Но уроки Вьетнама не пройдут даром для молодежи восьмидесятых годов. Она не забудет неисчислимых потерь — человеческих жизней, материальных и духовных ценностей. Она не поверит, что власти, хладнокровно бомбившие тысячи пагод и предавшие интересы арабского народа Палестины, вдруг стали защитниками ислама. Молодежь не пойдет за Джеймсом Эрлом Картером и не примет яд антисоветизма, расизма и национального шовинизма. Сознательно и четко отвергая эту гибельную политику, наша молодежь вновь предстанет как совесть Америки.

Сразу после создания СМРО мы были вызваны в Управление по контролю над подрывной деятельностью, ныне не существующее, где нам было предложено зарегистрироваться в качестве «иностранных агентов». Мы отказались, заявив, что считаем подобное предложение антиамериканским по духу и букве. Сегодня мы отказываемся зарегистрироваться под «доктриной Картера», так как она тоже антиамериканская. Она подрывает высшие интересы нашего народа и нашего поколения. Молодежь имеет как человеческое право, так и патриотическую обязанность противодействовать политике, которая ведет нашу страну к самоуничтожению. Былой лозунг «Нет, мы не поедем воевать!» опять в ходу среди нашей молодежи. Наша молодежь отвечает на картеровский бюджет войны массовым движением, требуя денег на рабочие места и образование, а не для войны. Борьба за мир и борьба за экономические права молодого поколения неразделимы.

Вспомним слова Поля Робсона: «Настоящее поле битвы для нашей молодежи и всех борцов за достойную жизнь — здесь. Оно здесь — в Алабаме, Миссисипи и Джорджии; здесь — в Кливленде, Чикаго и Сан-Франциско; в каждом городе и на каждом полустанке нашей страны, все еще разгороженной стенами Джима Кроу [1]. Ведь надо же кому-то разрушить эти стены».

Это касается и молодежи восьмидесятых годов: уж если быть бою, давайте устроим его прямо здесь, в Соединенных Штатах Америки. Если быть «силам быстрого реагирования» [2], пусть это будет объединенное молодежное движение, быстро реагирующее на угрозы со стороны Картера и большого бизнеса.

---

[1] *То, чем занимался Дж. Картер до своего президентства. — Примеч. ред.*

[2] *Имеется в виду массовый психоз, приведший к трагедии — коллективному самоубийству членов религиозной секты по приказу ее лидера Дж. Джоунса. — Примеч. ред.*

[1] *Джим Кроу — оскорбительная кличка американских негров; обозначает также расовую сегрегацию. — Примеч. ред.*

[2] *Правительство Картера объявило в 1979 году, что такое формирование численностью свыше ста тысяч военнослужащих создается для «защиты интересов США в мире». — Примеч. ред.*

ЖАДНОСТЬ, ЦИНИЗМ, СТРЕМЛЕНИЕ К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ, АНТИСОВЕТИЗМ... — ТАКИМ ВИДЯТ АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ ПРОГРЕССИВНЫЕ КАРИКАТУРИСТЫ США. ИХ РАБОТЫ ПРЕДСТАВЛЕНЫ НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ.

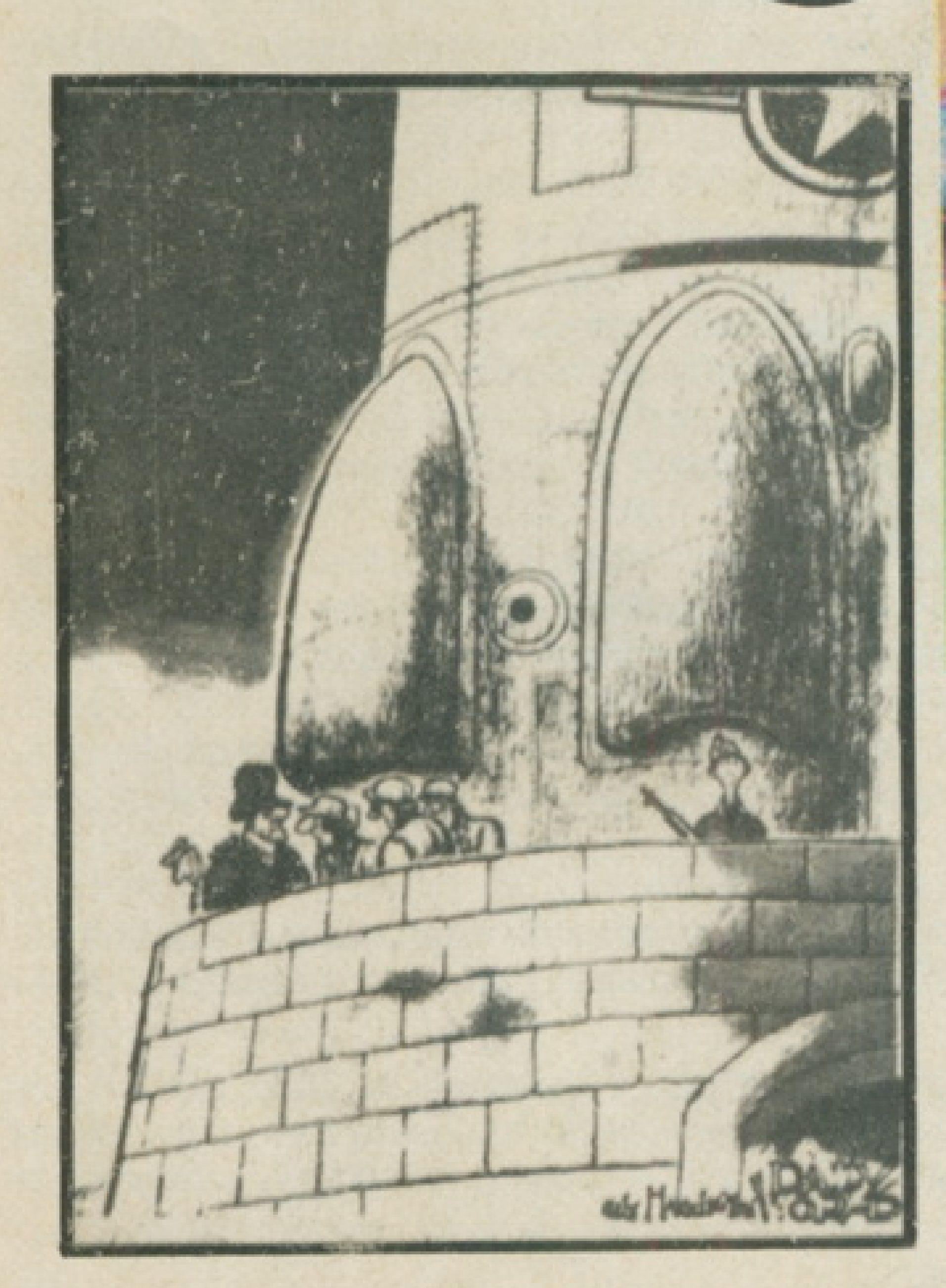
Гм, 60 тысяч политзаключенных... Неплохо. Вы получаете право на американскую помощь. (На портфеле написано: «Госдепартамент».)

У нас есть отличный кабинет, где господин сенатор сможет спокойно работать над планом срыва ОСВ-II.

Америка — капитан вселенной.

Генерал, согласно вашим описаниям, эта ракета может поразить сразу восемь континентов. Но их столько не наберется!

Клянусь быть верным флагу той страны, которая предоставит мне самую выгодную сделку. (На портфеле написано: «Международные корпорации».)

Цена 25 коп.
Индекс 70781